

Александр Владыкин

Талисман для «Яичницы»

16+

Александр Евгениевич Владыкин

Талисман для «Яичницы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42746468

SelfPub; 2019

Аннотация

Я буду рад, если эта книга поможет кому-нибудь преодолеть болезнь, скрасит больничное время в ожидании вечных процедур. Эта книга для тех, кто верит в волшебство, кто не устал бороться с болезнями и другими невзгодами. Эта книга для любителей сказочных приключений.

Глава 1

Ведьмак жил не в лесу, он жил на пятом этаже хрущёвки, в, доме без лифта и коммунальных излишеств. Ведьмак был не стар, от силы лет двадцати пяти. И зимой, и летом ходил в свитере из колючей волчьей шерсти, одетом поверх голого тела. Он не с кем не общался, был нелюдим и полностью соответствовал своему прозвищу. Временами он пропадал, и надолго, но долгов за квартиру и коммунальные услуги у него не было, претензий от соседей тоже, поэтому считалось что он живёт, как все. Не пьёт, не буянит, дом не поджигает, да и ладно. К нему обращались те, кто что-то терял, он указывал на место где лежит утерянная вещь, а иногда, закрывал кулак правой руки, дул на него, и отдавал золотое кольцо, часы или мобильник хозяину. Это было чудо, покруче, чем в цирке. Некоторые люди, ведьмака, до обращения к нему, никогда не видели. У ведьмака были свои маленькие радости и свои слабости, но об этом никто не знал. Он любил гулять по городским улицам, когда на них никого нет: не пьяниц, ни автомобилей, не случайных прохожих, одни светофоры перемаргивались друг с другом. Собаки и кошки ведьмака боялись, его старались облетать даже летучие мыши. И тараканов в нашем доме никогда не было. Ведьмаку не нравилось, когда его дразнили дети и кто-то направлял ночью полицию и скорую помощь по его адресу. Не сомневаюсь, он наказывал шутников, и детишкам доставалось, особенно во сне. Город был маленький не перспективный, мо-

лодѣжь уезжала на заработки и тянула за собой всю родню, в нашем доме часто менялись жители, новые соседи не считали нужным здороваться, никто друг друга не знал, и, откровенно, всем было наплевать, кто и как живѣт. Поэтому, никто не помнил, как появился ведьмак. Мы жили с ним на одной площадке, почти не виделись. Соседская девочка с третьего этажа помогала мне с покупками иногда я нанимал её, чтобы она прибрала в квартире и вынесла мусор. Вот так и жили. Ведьмак иногда ходил на рыбалку, приносил рыбу, хорошую рыбу: судак, севрюга, осетрина. Он всегда делился уловом со мной. Я спрашивал его:

– Где купил?

Он всегда отшучивался:

– В Яузе.

Мы то знали, что река давно обмелела, и кроме московского мусора в ней ничего не водится. На улицу я почти не выходил, на костылях пол дня прыгать по этажам надо было, а в инвалидной коляске я только по квартире передвигаться мог, она стояла в коридоре, постоянным напоминанием о моем бессилии. Однажды ведьмак позвонил в мою дверь. Это было так неожиданно. Ко мне только женщина-почтальон раз в месяц звонит, когда пенсию приносит. Он попросил спички и немного соли. Я удивился, потому что сам, не раз видел, как ведьмак зажигал свечи, одним взглядом. Кто знает, может фокус такой, или ему для ритуала нужно? Покойная мать учила ничего из дома по вечерам не давать.

Только мне уже было всё равно, я уже ничего не боялся, и устал бороться с болезнью, и мысленно был готов к полной парализации. Сосед не уходил, мял спички и соль:

– Это я для уха. А не хочешь ли ты на рыбалку со мной поехать?

– Издевается? Не похоже.

– Как?

Я показал на коляску и костыли.

– Что-нибудь придумаем. Только ты, вот что, не удивляйся ничему, ладно.

Мы договорились на субботу. В субботу весь наш дом разъехался, кто на дачу, кто в Москву, кто куда. Я целых три дня улыбался, ожидая субботы, я знал, что этого не будет, это просто неисполнимо, а всё равно приятно. Я за свою жизнь, только раз на рыбалке был, это ещё, когда отец был жив. Он был военным, погиб в первую чеченскую войну, когда мне было шесть лет. Мать так и не вышла замуж. А потом я заболел. Энцефалит, и вот! Рыбалка, на ночь, с костром! Мне целую ночь снился сон, хороший, добрый сон, что я поймал сома, а он говорит:

– Поверь, Дэн, ты ещё ходить и бегать будешь.

Я упал с кровати. Мама говорила:

– Это от того, что ты во сне летаешь.

Сосед позвонил в дверь, только-только светать начало. Я не верил, это уже походило на розыгрыш. Пол часа я не мог добраться до двери, сосед стоял на подъездной площадке

со всеми рыболовными принадлежностями: от удочек и подкормок, до подсака с садком для рыбы, даже два кресла шезлонга было. Я проглотил все приготовленные обидные слова, больше раскрыв дверь. Сосед зашёл в фойе квартиры:

– Денис, ты ещё не готов? Я же говорил, что рано приду. А ты ещё даже не одет, а там комары, как вампиры.

Ведьмак помог добраться до шифоньера, а у меня для рыбалки даже одежды не было. Сосед понял, сбегал домой, притащил какую-то робу, и в течение пятнадцати минут с меня слепили что-то похожее на рыболова. Я всё равно, до последнего не верил. Ведьмак посмотрел на меня:

– А теперь, не удивляться, я такси буду вызывать.

Он посадил меня в центр комнаты, в раскрытое рыболовное кресло, парафином свечи нарисовал круг и стал петь древнерусские руны. Колыхнулась штора, кто-то появился в доме, ведьмак просыпал на пол соль и зажёл свечу.

– А теперь, сосед, закрой глаза и держись!

Я полетел, я чувствовал это. Мы полетели. Когда я открыл глаза, мы были перед рекой у шалаша, Ведьмак тушил свечу в стеклянном гранённом стакане, а на небе только начинало всходить солнце.

– Самое время клёва, и сосед схватился настраивать удочки, вбросил в реку садок, приготовил всё для рыбалки, даже успел подкормку для рыбы кинуть.

Я был, как в сказке. Эта река, этот наш полёт!

– Ты чего сидишь? Ищи себе место для рыбалки.

Я посмотрел по сторонам, мы забыли самое главное, мои костыли остались в квартире. У меня сразу пропало настроение. Я был лишён даже ограниченного передвижения, без костылей меня можно было только на руках перенести.

– Хватит сидеть, сейчас Огневица прибежит кухарить, а мы с тобой не одной рыбы не поймали. О, Сварог, опять лавровый лист забыл!

Я не понял, кто прибежит, но попытался подняться, и у меня получилось. Шатало во все стороны, а я как на детских ходунках, меня кто-то поддерживал невидимый и сильный. Я сделал шаг и чуть не упал в реку, вовремя меня сосед перехватил. Раздался девичий смех:

– Так вот какого ты мне жениха притащил? Он при моём появлении, сразу топиться побежал.

– Сестра моя – Огневица, не обращай внимания на егозу, язва ещё та!

Он приструнил малу. Я тайком осмотрел девушку. На вид ей было лет шестнадцать, одета совсем не по-московски, как артистка в платье до пят и крупные красные бусы на шее. Огневица заметила, что я за ней наблюдаю, засмеялась и довольная от того, что наделала много шума, убежала в чащу, собирать дрова для будущего костра. Сосед очистил для меня место и помог мне перебраться вместе с шезлонгом.

– На первый раз, мы будем вместе ловить на один подсак, пока ты освоишься, а то вижу, совсем ходить разучился.

Сосед одел наживку на огромный крючок, какого-то слиз-

няка или улитку без панциря, я даже таких не видел никогда, а он в траве, под ногами нашёл.

– Как река называется?

Спросил я Ведьмака.

– А разве я не говорил? Яуза.

Я оценил его шутку:

– Ты хочешь сказать, что деревня за бугром с деревянной церковью – это Москва?

– Молодец, соображаешь!

Тут у меня клюнуло, и я забыл про всё, про свою болезнь, про стеснение перед девушкой, про Москву и странный полёт. Сосед специально не стал мне помогать, оставил меня один на один с рыбой, сам с подсакom наблюдал за нашим сражением. Тут и Огневица подбежала. Знаете, как девушки в футбол болеют? Рыбалка то же самое, сплошные комментарии. Даже ведьмак улыбался, не верил, что у его шестнадцатилетней сестры столько азарта. Сначала рыба меня побеждала, и, если бы не Огневица, я бы давно бросил бы удочку, признав, что эта акула меня переломила. У меня не осталось сил. Но Огневица! Признаться, перед девушкой о своей слабости! Да я бы точно, лучше утопился. Наконец рыба сдалась, но у меня не хватило сил вытянуть её. Огневица выхватила удилище из моих рук, и они, вместе с братом, вытащили полутораметрового осетра. Нет, не вру, настоящего осетра. Потом клюнуло у соседа, потом опять у меня, но девушка настолько увлеклась рыбалкой, что забыла вернуть мне

удочку. После шестого осетра ведьмак остановил рыбалку:

– Два на уху, два Огневице в село, два мы домой заберём.

У Огневицы было приготовлено коромысло для рыбы, ведьмак выпотрошил рыбу в реку, вместе с чёрной икрой, подкормив хищных мальков, подцепил её на коромысло, и Огневица, забрав, причитающуюся ей рыбу, побежала в сторону села, называемого соседом Москвой. Фу, я расслабился.

– Меня Семёном зовут.

– Что?

– Ты не знаешь моего имени, наверное. Меня Семёном зовут.

Наконец, сосед представился. Моё то имя он знал, а я как все – Ведьмак, да ведьмак. Семён установил котёл для ухи, набрав воду прямо из реки, зажёл костёр, занялся рыбой, а я вспомнил, что пытался ходить. Руки и ноги трусились, мне не верилось, но я стоял, впервые за десять лет. Я стоял и плакал, как предчувствовал, что я завтра, и этого не смогу. Но пока, я учился ходить заново, падал, подымался, смеялся и шёл, пока не было Огневицы, мне, почему-то не хотелось, чтобы она видела, что я инвалид. Семён улыбался и варил уху, вместо лаврового листа нашёл горьковатые корни местных трав. Уха получилась знатная, жирная.

– А ну, посмотрим, что сестрёнка принесла.

И ведьмак развернул сельский тормозок Огневицы. Там был хлеб, круглый, большой, пахучий. Семён разломал его

по-крестьянски, руками, достал из дупла, спрятанные деревянные ложки и пригласил на уху. Настоящие рыбаки едят уху из котелка, не выбирая рыбу. Я впервые ел уху деревянной ложкой, непривычно как-то. Мне всё было непривычно здесь, всё казалось чужим, но одновременно и знакомым. Кому скажи, что ел уху из рыбы, пойманной в Яузе и сваренной на воде этой реки, за дурака посчитают. В Москве даже из крана, очищенную и продезинфицированную, не пьют, говорят – отравя. В столице центральной рекой считается Москва, в ней даже купаться запрещено, из-за мусора и канализации с водостоком, в реке весной так много химии и пластика, а летом пластик начинает цвести. Но самой опасной считается Москва-река, зимой на крещение, когда в проруби лезет разный люд, смывающий с себя всю грязь иноземных курортов. На крещение, в реке можно такую инфекцию подхватить, век не отмоешься. Не будем о грустном.

– Хотелось бы поближе на деревню Москву посмотреть.

Семён недовольно фыркнул:

– Ешь, ещё насмотришься. Набирайся силы от природы, а то шатает всего, не мышц, не здоровья.

Я и забыл. А есть я уже не хотел, инвалиды мало едят, лучше быть инвалидом детства, чем обжорой, придерживающимся нейтралитета в войне между холодильником и собственным весом. Семён пошёл в чашу:

– Пару рогатин выберу, а то возле реки медведя видели, бывает балует, и дровишек ещё припасу, костёр «хозяина»

отпугивает. Ночь не долгая, но холодная, ты только утром в туман не уходи, он тёплый, но потеряться можно, так что никто не отыщет.

А впереди была ночь, мы с Семой договорились, что не будем спешить возвращаться в воскресенье, хотелось ещё немного побывать на природе, моё тело ещё не надышалось радостью движения. Я не задавал ведьмаку вопросов, он вряд бы смог мне ответить на них, я просто боялся этих ответов. Спасибо, спасибо соседу за подарок! Спасибо за сказку с грустным концом. Я впервые в жизни, так не хотел, чтобы наступало воскресенье. Два осетра едва умастились в холодильник, мы вернулись в квартиру ещё быстрее, чем покинули её. Прибежала Огневица, что-то щебетала у шалаша, и вот. Сёма подал костыли и пропал. Нет ничего: ни Яузы, ни Москвы, ни рыбалки с осетрами. Я сидел у окна и бездумно смотрел на стекло, на душе было грязно, я злился на весь мир. Мне было грустно и обидно. Я чувствовал, я знал, что побывал в прошлом, только я не знал в каком веке, там, где была деревня Москва, в которой жила Огневица, на берегу большой и чистой Яузы.

– Что-то ты зачастил в наш мир. Не для того его Хорол создал, чтобы всякие Челстуги здесь ошивались. И за что тебе такие привилегии, подумаешь, пару посеянных к жизни вернул, всё равно, не каждый из них становится героем! Что на этот раз? Опять пропуск в закрытые зоны просить будешь?

– Мне нужен Волхв. Прошу совета.

– Ну, если Волхв? Тогда в очередь.

Мисл махнул рукой, и лес раскрылся, обнажив всех собравшихся на поляне перед жилищем Волхва. Челстуг поздоровался со знакомыми. Им приходилось раньше встречаться на перекрёстках миров. Мисл разбудил меня ночью, я знал, что Волхв приехал с открытия новых порогов времени, но не знал, когда он спит.

– Приветствую тебя, Челстуг! Давненько не было, с чем пожаловал? Что нашёл?

– Нашёл посеянного. Интересный экземпляр, десять лет наблюдаю.

– Чья реинкарнация?

– Боюсь ошибиться – Всевласа.

Волхв заходил по горлице:

– Не может быть! Если это действительно семя Всевласа, то после Ильи Муромца, это твоя вторая удача знахарь. Дед моего деда рассказывал мне сказы про Всевласа, это ещё до рождения былин. Мы даже не знали того, что богатырь оставил семя. А ты проверил?

– А, то! Вчера на рыбалку возил, в родовое поместье.

– Это то – на берегу Яузы?

Я кивнул.

– И как он выдержал?

– Как подобает! – Всевласу?

– Будем надеяться. Опять инвалид?

– Да, насекомое немощь, укус клеща.

– Сколько веков прошло, а мы до сих пор не знаем – кто против нас? Кому выгодно ослабление границ Руси? По что богатырей изводят подлым способом? Не до смерти, а до увечья, чтобы жил и не жил, а мучился.

– Что тебе от меня нужно, Челстуг?

– Замена нужна. Двойник.

– Не знаю, для Всевласового семени двойника не найти, но, если замена нужна, то есть у меня кое-какая мысль, приходи в следующую среду, что-нибудь придумаем.

– Ты уже начал Всевласа тренировать?

– Нет, только проверял. После замены начну, а то, кто знает, может не один я наблюдаю?

– Правильно. Контора Злыдня не спит! Аспид и Нежить, всегда под рукой и Неясыть в рукавичке. Они всегда опираются на законы Велеса, выкручивая нам руки. Это надо такое – все наши дела проверять, и это по Велесу, его книга – кодекс всего потустороннего мира. Может кто из конторы Злыдня и вставляет палки в спицы твоей телеги и ждёт, когда буйвол Челстуг упадёт на колени? Даже для проведения замены требуется их уведомить, они обязаны провести проверку, что замена произведена правильно и добровольно, без силового принуждения, иначе ничего не получится. Без проверки конторой Злыдня, замена будет аннулирована.

Волхв ещё раз предупредил меня насчёт среды, и картинка потустороннего мира растаяла, рассыпалась, как песоч-

ный домик, который строил малыш под надзором своей бабушки. Я знал, что на среду пропуск уже готов и как только настанет моё время приёма, меня Мисл выдернет в мир Хоррола, где бы я не находился. Две птицы – символа венчали герб Волхва – ворон Мисл и Горлиц, у Горлиц было два начала: женское – удача, судьба, любовь, и мужское – удар, вызов, излом. Ворон был встречающим – секретарём у Волхва, А Горлицу всегда работы хватало, в отличии от мудрого Мисла, он не был домоседом, мотался по временам и реалиям, и в потустороннем мире был редким гостем. Горлицу до всего было дело. При встрече Мисл постоянно ругал Горлицу, за низменную способность преобразиться в бомжа, нищего и везде у всех что-то канючить, вымаливать, выпрашивать, говорят, за «чекушку» можно было судьбу поменять. Не верьте, Горлиц мог и одаривать, а мог явиться в своём мужском начале. С Горлицем нам приходится встречаться чаще, чем с Вороном, мы к нему привыкли, поэтому не замечаем, а ворона можем увидеть, только перед смертью, кого он считал нужным предупредить, постучав клювом в окно. Клюв скользит по стеклу, издавая зловещий звук:

– Мисл, мисл, мисл... Готовиться поздно, секретарь волхва принёс пропуск в потусторонний мир, ждите – вам назначено.

Челстуг помнил тот момент – встречи с живыми символами Волхва, он не умер, он прошёл переход и узнал, что относится к посеянным – бессмертным, рождённым для подвига

и выполняющим, каждый свою миссию. Челстуг поисковик, найти героя, это тоже подвиг.

Глава 2

«Солнце» пролетело ночью, задев верхушки леса, задымилась соломенные крыши домов. Пожар до утра успел спалить село, со скотиной, с запасами зерна, с хворыми лежачими стариками. И на этот раз Думану повезло, огонь не задел его земляной дом. Как будто сам Род отвёл беду от жилища Думана. Селяне собрались на берегу реки и ждали рассвета, чтобы оценить полный ущерб от пожара, и найти хоть что-нибудь, уцелевшее в этом огненном аду. Пахло жаром и сосновой смолой, природа сама, как могла, защищалась от огня. Лесной пожар пробежал верхушками деревьев и потух на болотах, многочисленные ручьи и река, не дали огню спуститься вниз, а утренний туман, пригасил тлеющие головёшки и сухие ветви омелы. Ветер уносил дым по реке, недовольным отголоском пойменных лугов, доносилось ржанье молодняка, пастухи были в ночном, они видели всё, лошади фыркали и пятились от дыма.

– Это было не «солнце», а скорее купол, огненный купол с крыльями дракона, он зацепился за деревья и упал за болотами, превратив их в пар. Потом был взрыв, сильный взрыв и хлопки, как сырые ветки трещат в костре.

Каждый из пастухов по-своему описывал происшедшее.

– А ты Фрол, что видел?

– Я? Ничего. Я спал.

– И взрыва не слышал?

– Какой взрыв?

Больше к Фролу никто не приставал, Волхву этого только и надо было, паренёк уже десять минут был под его контролем. Злыдень выпустил Неясыть. Волхв привлёк контролёров к поискам двойника, потусторонний мир считал Всевласа утерянным и его реинкарнация в одном из временных сегментах Земли – была чудом. Волхв и Злыдень не были врагами, скорее конкурентами. Они делили один мир, материальное с невидимым (Если Волхв отражался в зеркале, то Злыдень был за ним, за отражением). Неясыть полетела в сторону села, оглашая окрест ужасающими криками.

– Это покойники выходят на луг, выманивая русалок на танец, но русалки не хотят мертвяков и присылают вместо себя утопленниц.

Фрол пошевелился и под ним хрустнула ветка. Из тумана что-то вышло – с собачьей головой и с заячьими ушами.

– Я пригласить хочу на танец вас, и только вас!

– Мама!

И гурьба ребятишек, ломая всё на своём пути, ломанулась к селу.

– Ты не можешь без своих шуток, Аспид! Зачем малых перепугал?

– А вы почему без меня улетели?

– Но должна хоть какая нечисть остаться в потустороннем мире!

Неясыть сделала круг вокруг села, вернулась и примостилась на сухом дереве, возле шалаша пастухов.

– Ты видел его? – спросил волхв.

– Угу!

Волхв отпустил мальчика, и Фрол припустил за своими.

Волхв принял вид старца, наполненного мудростью веков и побелённого временем. На его плечах была сума, пахнущая кусками хлеба и луговой лапчаткой. Он отправился в село в образе знахаря, вместе со своими невидимыми попутчиками. Неясыть помог найти дорогу к жилищу Думана. Вокруг бегали какие-то люди, погорельцы рылись в своих бывших жилищах, никто внимания на старика не обращал. Волхв подошёл к землянке, постучал по косяку двери и попросил воды. Из землянки раздался глухой голос:

– День добрый!

– Проходи, бери, что нужно. Я бы и рад, но не могу.

Волхв вошёл в дом. Черпак и ведро с водой стояли на столе. Хозяин лежал на лавке, и по глазам было видно, что голоден. Волхв подал ему кусок хлеба и буженины. Подождал, когда молодой парень напьётся после сытного завтрака, чтобы вытянуть его на разговор.

– Так ты говоришь это на реке случилось, месяц назад?

– Да, там около моста вся молодёжь собирается. Меня толкнули в воду, вроде шутя, потом всё тело пронзила боль, и я потерял сознание. Ребята дотащили до дома, но я ничего не чувствую – ни боли, ни радости.

– А ты не видел, кто тебя толкнул?

– Вот в этом и самая главная каверза, рядом никого не было.

Старик обратился к пустоте:

– Невидимое. Это по твоей части.

– Я мил человек – знахарь. Твоя болезнь мне знакома, её нужно лечить силой духа и разума. А у меня уже не того, ни другого. Стар я стал. Жди, я в среду пришлю ученика своего, его зовут Челстуг.

И старик пропал, растаял на глазах. Из ночного прибежал брат, помог Думану повернуться на бок.

– Ты старика не видел?

– Какого?

– Знахаря.

– Нет не видел.

– А, что ты такой взъерошенный?

– Мы от русалок убегали.

– Что за день такой, село сторело, за мальцами русалки гоняются, знахари в воздухе тают.

С дерева поднялась Неясыть и с, холодящим кровь, криком, полетела в сторону леса.

– Угу! Угу! Угу!

– Ты выяснил, кто толкнул Думана?

– А, как же. Родная сестра твоего любимчика Челстуга.

– Огневица?

– Нет, старшая – Озорница.

– Тоже посеянная?

– Да, но не наша. Поговори в среду с Челстугом, может повлияет. Пусть хоть причину назовёт, кто надоумил посеянного искалечить.

Челстуг ждал среды, и Думан ждал. Но к Думану ночью пришла Озорница и окутала его приворотами и волшебством, он совсем забыл про знахаря.

– Я люблю тебя!

Шептала невидимая девушка во сне, – я никому тебя не отдам, ты мой, ты только мой и ничей! Странная это была любовь. Думан готов был побожиться, что он слышит слова и чувствует ласки девушки, он знает даже её имя, он разговаривает с ней. Она красивая Озорница! Она нравится Думану. Если это не козни старой ведьмы? Думан не знал – Озорница тоже была из этого клана, и раз в году обязана была посещать Шабаш, но она была молода – кровь с молоком, и впервые влюбилась. Она знала, что Думан из смертных, но сердцу не прикажешь.

Волхв всё объяснил ученику: замену нашли, только твоя сестра нашла его раньше и чуть не спутала нам все карты.

– Нам – это кому?

Челстугу хотелось знать, кто ещё замешан в его дела.

– Мне и Злыдню с Аспидом.

Челстугу это не нравилось, но таковы законы Велеса, может даже и лучше, что контролёры привлечены к поискам.

– А, с сестрой что?

И волхв рассказал о проблеме. Поговори с ней, иначе... Челстуг знал, что такое иначе! Счастья в этом мире им не будет. Озорница ждала брата, она уже знала, что он пришёл в их мир, пройдя через охрану и завороты. У брата был постоянный пропуск, выданный советом посеянных, с ним считались даже властители миров. Брата привел Неясыть, для этой шпионской птицы потустороннего мира, не существовало невидимости. Неясыть подвел Челстуга к девушке, и выполнив своё задание, потребовал оплаты от знахаря. Челстуг давно приготовил мышь. Птица была довольна, Челстуг не видел, как она спланировала в сторону реки, пролетела под мостом и исчезла за излучиной.

– Здравствуй Озорница, разговор есть.

Озорница не любила, когда брат начинал говорить с ней подобным тоном, она знала, что будет выговор, только не понимала, где проштрафилась. Вроде никому на хвост не наступала, ни с кем не ссорилась.

– Думана. Такого знаешь?

– Ах вот оно что! Я, вообще – то, взрослая девочка, между нами два года разницы, ты хоть и старший, не забывай, что мне – двадцать пять годков. И я, как любая женщина, замуж хочу, и чтоб было всё по-настоящему: с фатой и голубями. И детей хочу, и чтобы их было много.

– Ты знаешь, что он не посеянный? Совет не даст добро на ваш брак. Ты решила пойти путём наших родителей?

Они нарушили закон, но никто в совете не смог снять с них их миссии. Родители остались посеянными, но смертными. И если бы не было их, то не было бы нас, может в этом и заключалась их миссия. Ты умная женщина, всё понимаешь. Я предлагаю вам выход: переселиться в другой мир, не подвластный совету, там нет никого из миров созидания: ни Злыдня, ни Аспида, ни книги Велеса. Не работают там эти законы, и ты там будешь видима, и всё там будет так, как ты хочешь.

– Ага, а если я не понравлюсь?

– Кому?

– Думану моему.

– Понравишься, ты не можешь не понравиться. У тебя приворотов на несколько тысячу лет припасено, все косметологи Земли, тебе в подмётки не годятся.

Озорница заулыбалась, от брата комплимент заработать тяжело.

– И ещё. На Земле Думан будет ходячим и здоровым.

Озорница опять клюнула носом:

– Я не красивая! Уродина! Уведут жениха, прям из – под венца утащат!

– Кто это тебе сказал? Кто тебе такое в голову вбил?

– Сестра двоюродная, Водяница.

– Это она тебе подсказала жениха в реку кинуть?

– Угу. Калека он никому не нужен. А мне нужен.

Челстуг всё понял, воду ведьмы мутят, об этом волхва

предупредить надо. Если это будет связано каким-то образом с другими посеянными, то я ведьмам не завидую. Челстуг представил: Волхв передаст в совет, а совет обязует Злыдня всё проверить. Аспид всё раскопает, ой что будет! Надо будет Думана проверить и Озорницу ему показать. Челстуг не стал выдумывать что-то нестандартное.

– Я обращаюсь к Мислу за пропуском для тебя и Думана, и на вечер в пятницу, приглашаю вас обоих на рыбалку. Пора с будущим родственником познакомиться, да и с сестрой тебе стоит пообщаться, тоже уже невеста поди.

Озорница зарделась, только Челстуг этого не видел, его вызвал Волхв, и Мисл его выдернул из горлицы сестры. Ученик нашёл виновных в увечьях посеянных, это Волхва радовало.

– Ты оставил оберег для своей сестры?

– Для сестры, для её жениха и его братьев, и Неясыть наблюдает.

– Но Неясыть нам не подчиняется и меня не любит.

– Зато она мышей любит.

Я рассказал учителю о своих планах на будущее, и как собрался замену произвести, он обещал помочь с акклиматизацией двойников.

Денис несколько раз на день добирался до дверей Семёна, звонил, но того не было дома, больше недели уже отсутствовал. Дэн реагировал на любой звук в подъезде, он опять

приступил к оздоровительной гимнастике, с трудом нашёл, закатившиеся под диван, гантели. За окном был август, Дэн встречал проходящие из Москвы электрички, но Ведьмака не было. Дэн чувствовал, когда он ходит по лестничному пролёту, Дэн помнил звук его шагов. Он не знал, что хотел сказать соседу, каждый день, вспоминая время, проведённое на Яузе, ему снилась Огневица, её задорный смех. Дэн просто ожидал, чтобы пожать его крепкую руку, Дэн ожидал чуда. В тайне от всех, он мечтал снова побывать на берегу реки около деревни-Москвы.

– Ещё насмотришься – говорил Семён, – а Дэну не верилось.

Дэн засыпал в кресле, в однокомнатной квартире, а мечтал, что проснётся в шезлонге. Впервые в жизни он скучал, скучал за своим соседом, за взбаламученной девчонкой из деревни Москва, за осетриной, побеждающей в рыболовном «реслинге». Челстуг думал:

– Это не просто поменять времена для человека, окунуться в прошлое всё равно легче, чем вынырнуть в будущем, ты всё равно находишься в одной действительности, хотя меняется всё, даже вкусы и привычки. Организм защищается, старается забыть всё, что было в будущем, он просто не помнит того, что ещё не случилось, и забывает то, что уже произошло, а тут ещё время подбрасывает сюрпризы, кромсая историю по-своему усмотрению. Но всё равно – это в одном измерении и разницы нет, если чуть сместилась система ко-

ординат и ты, нырнув в Твери, вынырнул совсем в другом месте, там, где и людей никогда не было. А представь, что нужно поменять миры. Не всякий посеянный выдерживает временные катаклизмы.

Ученик Волхва мог только смягчить переход, но организм перемещённого должен сам справиться с нагрузкой, внутренне переболеть, смириться с потерей своего мира, тем легче будет реализовать себя в чужом. Челстуг думал, он рисковал чужими жизнями, поэтому выбирал одних посеянных, но тут был особый случай. Думан не был посеянным, и нужно было добиться его согласия на переход, в присутствии Волхва и Злыдня, два властелина могли быть свидетелями перед советом посеянных. В отношении людей, Закон Велеса безмолвен. Люди – это результаты войн между мирами, и они не из нашего клана. Челстуг поспешил к жениху Озорницы. Сестры не было, и знахарь огласил свой вердикт: – Болезнь твоя не простая, болезнь колдовская, чтобы излечить её, необходимо тебе покинуть село. Пока ты здесь, беда на всех жителей распространяется, то пожар, то потоп. Хорошо, хоть о этом земляки не догадываются, а как только до них дойдёт, что не с проста это – всё село в огне, а дом Думана цел, и это не первый раз.

– И неправда! Это я дом от беды спасаю. Заговорами и оберегами.

– А, ну, кыш отсюда, Озорница, негоже подслушивать, когда мужики мужской разговор ведут.

Девушка со смехом выскользнула из землянки. И Челстуг рассказал, почти всё о Денисе и другом мире, к которому очень тяжело привыкнуть, он чем-то похож на сказочный: в нём телеги без лошадей бегают, под землёй огромные гусеницы живут, а в небе железные птицы летают. А ещё он сказал, что Денис молод, одинок и тоже калека. Ему, чтобы выздороветь в наш мир надо, а тебе в его.

– Не смогу я там, непривычно.

– Я тебе помогать буду и Озорница. Назавтра я вас на рыбалку пригласил, там и увидишь свою наречённую.

Думан вздохнул:

– Как всё сложно. Всё заколдовано. Чтобы невесту увидеть, надо в другой мир перемещаться.

– Ты согласен на перемещение в другие миры?

– Конечно согласен, кто от такого откажется?

– Злыдень и Волхв, слышали?

– Слышать, слышали, но ты ничего об опасности не сказал, о риске перемещения.

– Да, Думан, не все выдерживают испытаний прохода. Много людей умирают при переходе из мира в мир. Но я выбрал щадящий вариант проверки, пригласив тебя на нашу Родину в Московию. При переходе и я и Озорница помогать будут. Ты подумай! Может откажешься?

– Без движения и без любви – это не жизнь! Я согласен.

– Ура!

– Озорница! Ты опять здесь?

Оба правителя ушли в потусторонний мир удовлетворёнными, вспоминая свою молодость. А я начал готовиться к завтрашнему переходу. Я волновался, Думан был первым человеком, проводимым мной, не представляю, что творится в голове Озорницы. Этот переход забрал все мои силы, Озорница хлопотала над человеком, её тело медленно приобретало знакомые мне черты. Мы с сестрой крутились в одних мирах, живя по законам Велеса. Она, с рожденья, была принята в клан ведьм, по желанию матери, посеянной от мастериц Хаоса, и в различных мирах становилась не видимой, я же, волей отца, был принят кланом птиц, и Мисл, и Горлиц были моими кровными родственниками, я, Челстуг, коршун в потустороннем мире, мы все были на службе у Волхва, и все были материальными, видимыми во всех мирах. Мы были детьми странных созданий, которые, вопреки всем запретам, создали семью. Нас воспитывала невидимая мать. Я чувствовал теплоту её рук, нежность поцелуев и прохладу дыхания, я слышал её голос, но никогда не видел. Отец был мощен и похож на скалу, он рано погиб, защищая город от оползня. Мама говорила – отец по жизни был тяжёл, как камень, но у него было доброе сердце. В нашей семье было четверо детей: Я самый – старший, Озорница, Огневица и Корчег. О младшем брате мы старались не вспоминать. Он был посеянный, но принадлежал к тёмному миру, враждебному нам. В тёмном мире были такие же жизненные законы, как в нашем, но перевёрнутые, они не признавали книгу Велеса и жили

по своему кодексу тёмного мира, и все подчинялись власти четырёх баронов. Я испытал дьявольскую перегрузку, защищая Думана при переходе. Человек был жив, а это главное. Озорница заставила его заснуть, иногда полезно иметь жену ведьму, на снотворном экономишь. Я улыбнулся. Огневица почувствовала наше проникновение и спешит к нам из деревни. Я первым встретил её. Радость на лице сестры, сменилась разочарованием:

– Я думала..., с прибытием семья!

Она побежала обниматься с Озорницей. У человека дыхание стало ровнее, он попытался открыть глаза. Перед ним сразу было две девушки: Огневица с броской причёской и красными волосами и Озорница в серебряном колдовском наряде с распущенными фиолетовыми кудрями.

– И кто из вас моя невеста?

Девушки обнялись:

– А та, которую тебе сердце подскажет, Добрый молодец!

Думан поднялся на ноги, сделал глубокий вдох и показал на Озорницу, угадал, а я бы не смог. Голоса у сестёр почти похожи были, но Думан признался мне: от невесты всегда пахло медуницей и голос был на пол тона нежнее. Огневица не расстроилась, за Дэна меня спросила:

– Твой двойник совсем на него не похож, стар уж больно.

Я подумал, рыбалка меня менее всего интересовала, мне нужно было, чтобы Думан здоровье восстановил после перехода, уже стоит и ходит, это хорошо, даже не заметил из-

менений в физиологии. Мне нужно время, чтобы провести инструктаж, сразу обоим – жениху и невесте. Им ещё через один переход пройти придётся, я их решил из Московии, сразу на такси в комнату Дениса перебросить. А, пока:

– Огневица! А не хочешь ли ты со мной на Землю смотреть, друга рыбака проведать?

Огневица завизжала от радости и повисла на моих плечах. Наконец, Озорница заметила, что жених стоит, сколько радости было. Думан закрутил её в вихре танца. Они кроме друг друга никого не замечали, мы с Огневицей провели ритуал, вызвали такси, и не прощаясь, превратились в огненный купол и маленькой, едва заметной искоркой исчезли из этого мира. Мы были в одном измерении, переместились из прошлого в будущее, для посеянных это просто, словно переступить через порог своей квартиры.

– Ух ты! Сосед мне прямо на голову свалился, а Огневица медленно опустилась на пол.

Я сидел в кресле и почти дремал, на улице уже успело потемнеть. Я не стал хитрить и делать недовольное лицо:

– Мол не рад неожиданным гостям.

Я был рад, вы не представляете, как я был рад! Огневица нашла веник, а мы с Семёном пошли на кухню потрошить холодильник. У меня был холодец из осетра, быстро соорудили яичницу. Потом Сёма помог сестре настроить душ в своей квартире, показал, как им пользоваться, и пришёл ночевать ко мне, поговорить надо. А я и рад! Мне давно многое

сказать нужно, а я никак не решаюсь: и про болезнь, и про одиночество, и про то, что у меня друзей нет, и про то, что они с Огневицей – самые близкие люди для меня.

Глава 3

Мы проговорили целую ночь. Я всё понял, я был согласен на любые условия, лишь бы быть здоровым. Семён предупреждал, что меня ждут опасности, ежедневные изнурительные тренировки и учёба.

– Тебе многое следует узнать, тебе придётся защищать мир, чужой мир, населённый людьми и не только, приготовься к тому, что ты никогда не вернёшься на Землю. Ты посеянный, мы примем тебя в потустороннем царстве, в клан Волхва, мы будем помогать тебе и Огневица, если посчитает нужным. Ты можешь поменять своё имя, выбрать тотемное животное или птицу, или рыбу и братья по крови тоже будут помогать тебе.

Неспешный соразмеренный ритм диалога гипнотизировал меня, я не заметил, как уснул. Мне снился дивный сон: я видел своего соперника, мы не были врагами, и по жизни шли вместе в одной упряжке, и если расходились, то не на долго, наши пути опять пересекались, и мы делали одно дело, но каждый по-своему. Соперник был похож на соседа, только выглядел моложе. Проснулся я на берегу Яузы, опять почувствовал прилив сил и приток крови к мышцам моих ног. Я встал:

– А Огневица где?

Из рыболовецкого шалаша выглянула девушка:

– Здравствуйте! А Огневица в деревню полетела, ей «цыпляток» покормить надо.

– У неё что, куры? Птицефабрика с фермерским хозяйством?

– Это у вас куры, а у неё маленькие дракончики. Фабрика не фабрика, а каждый посеянный должен своё дело делать. Ты кто?

– Я Денис.

– Это с Земли, который? А я – Озорница, мы с женихом будем жить в твоей квартире. А Земля какая – хорошая?

Я уклончиво ответил – разная, и люди на ней живут разные. Появился Семён, познакомил меня с проснувшимся Думаном и попросил проинструктировать молодёжь. Мне они задавали вопросы, и я отвечал, Озорница тут же всё запоминала:

– И насчёт пенсии, и женщины почтальона, я даже рассказал про девочку с третьего этажа, которая мне покупала продукты и иногда убирала в квартире.

Семён объяснил Озорнице, что немного вначале притвориться Думану надо, и имена срочно поменять:

– Ты будешь Алёной, а жених твой Денисом, я тоже на Земле не Челстуг, а Семён.

Озорница вспрыснула, смешным ей земное имя старшего брата, или жениха показалось.

– А документы, это ты сама уже на Земле сделаешь. Учти

Алёна, тебе многому научиться надо, на Земле денежная система, и интернет есть, правда у Дэна, кроме поломанного телевизора я ничего не видел.

Я хотел добавить:

– А ещё, у меня есть рабочий транзисторный приёмник, на батарейках, только самих батареек нет; но передумал. Семён готовил влюблённых к внедрению на Землю, как сверхсекретных агентов, оттачивая каждую мелочь. Боже мой, это для меня так просто на Земле, а самому внедряться как придётся? Если в этой «Московии», на промежуточном этапе

– у Огневицы, зверосовхоз в хозяйстве, целая «крокодилья» ферма, а что будет там, в том мире, который мне защищать придётся?

Я задал вопрос:

– Всё про Землю, да про Землю! А что меня ждёт в твоём мире, Думан?

Что я буду там Думаном, я уже понял.

– А в моём мире, там всё просто, нет никаких волшебных вещей, как у вас: ни автомобилей, не поездов с самолётами и теплоходами. Село, как село, лес с оборотнями, граничит с урочищем ведьм, они к нам почти не ходят, что только, по праздникам. Ну, есть ещё гоблины с копателями и река, в реке – хозяйство водяного, а мост наш – мы его с чертями строили.

– Ничего себе просто! Кто из нас ещё в сказке живёт? По его соображению все сёла такие – во всех мирах, граничащие

с урочищем ведьм.

Меня вымотал этот день, я проснулся в шалаше, все разлетелись, а про меня забыли, рядом по реке кто-то ходил, громко по воде стуча босыми ногами и подымая кучу брызг. Этот кто-то был похож на лягушку, на большую лягушку.

– Водяной, – догадался я.

На берегу кучка енотов гремела посудой, отмывая её до зеркального блеска. Небо начало сереть, взлохмаченные облака разгоняли последние солнечные лучи этого дня. Вдруг в небе сверкнула зарница, потом ещё одна, ещё. Через несколько минут собрался сверкающий клин, римской пятёркой, и стал удаляться в сторону горизонта.

– Рано. Ещё осень не настала, а стая жар-птиц, уже на юг подалась.

Я оглянулся. Никого не было.

– Ты кто?

– Аспид.

– Змея, что ли?

– Типа того, только змей, и невидимый.

– А что ты в моём шалаше делаешь, Аспид?

– Меня на охрану поставили, ты же за потусторонним миром приписан, значит мы отвечаем за тебя, пока не пройдёшь обучение.

– А где все?

– Кого ты имеешь ввиду?

– Ну, где Сёма, Думан, Озорница?

– Без понятия. А с ведьмами я не дружу.

И Аспид пропал вообще, перестал откликаться. Поздно вечером прибежала Огневица, я только подбросил ветки в костёр.

– Аспид здесь?

– Не знаю, был минут двадцать назад, а что случилось?

– «Цыплята» пропали, двух штук не досчиталась. Почувствовали отца в Московии.

– Эй, чешуйчатый, хватит прятаться. «Цыплята» у тебя?

Кто-то не удержался на дереве у реки и всей массой плюхнулся в Язу. Было такое ощущение, что кто-то уронил бегемота. Один-ноль в нашу пользу, и ты, второй, слезай – командовала девушка. Вскоре около нас было два маленьких чудовища, они головами лезли под руку воспитательницы, просили ласки.

– Хорошо, Аспид. Ты провожаешь их в «ясли» и будем считать, что ничего не было, и инцидент исчерпан.

Два бегемотика, с крыльями, запрыгали на берегу от радости. Невидимый Аспид повёл их в деревню.

– Вот так мы и живём. Привыкай Дэн. Не знаю, в каких мирах Аспид себе невест находит, но рожать они, почему-то сюда прилетают. Драконы – они в красную книгу записаны, а я из посеянных, моя обязанность растить их. Матери вскармливают молоком, первое время, потом улетают в свои миры, здесь для них пищи маловато, им стадо коров на неделю хватает, мы итак стараемся их подкормить, по возможно-

сти. Для малых Московия – это ясельный период, как только подрастут крылышки, потом мы их в другой мир отдаём, для созревания и обучения. Они проходят четыре мира совершенствования, прежде, чем стать взрослыми драконами.

– А дальше?

– А дальше они сами выбирают мир, создают семью, и, если не могут прокормить детей, обращаются к нам.

– И много таких «цыплят» в твоей птицефабрике?

Огневица заулыбалась:

– Две девочки и два мальчика. На следующей неделе воспитателям другого мира отдам. «Цыплята» пятиметровый забор, ради встречи с отцом, перелетели.

Странно это.

– Огневица, а Московия это что, инкубатор для драконов?

– Нет, ты неправильно всё понял. Московия – это учебный центр для начинающих, таких, как ты. Полигон для испытаний, здесь тебя учить будут, здесь ты и экзамены сдавать будешь.

Незаметно мы подошли к мосту. Огневица сказала:

– Назад с Аспидом пойдёшь. Он за тебя отвечает.

Я не стал спрашивать – как, все мы в этом мире, за кого-то отвечаем. Мы стояли с Огневицей над бурлящим потоком реки, под мостом река всегда набирает оборот, образуя круговороты и воронки, я дошёл почти до села, сам, и даже не устал совсем. Огневица улыбнулась:

– Привыкай. Это только начало, вернётся Челстуг, начнут-

ся настоящие тренировки. Силу и знания тебе набирать надо, если ты действительно из реинкарнации Всевласа. Планета твоего предка до сих пор свободна от посеянных, туда даже драконы не залетают, боятся. Мир Всевласа – это испытание характера, силы и смелости. О чём это я? Всему своё время, узнаешь сам от наставников. Только не верь никому, никто не вернулся с земель Всевласа, и никто не знает, куда делся он сам. Ведьмы не видят его не среди мёртвых, не среди живых, нет его в аду, нет и в Ирии. Странно, как тебя в живых оставили?

Мы с Аспидом вернулись к шалашу, я спутника, только по тяжёлому дыханию определял. Огневица говорила, что змею легче летать, чем ходить, но он не терпит одиночества, ему даже не собеседник нужен, а, чтобы был кто-нибудь рядом. Челстуг был занят, но Волхв помнил о своём обещании и прислал Горисвета – посеянный из былинных, его пограничный отряд стоял на дальних рубежах наших земель, на границе с тёмными мирами четырёх драконов. Горисвет был в отпуске, местом отдыха выбрал Московию, а, чтобы скучно не было его Волхв и нагрузил. Горисвет был моим первым тренером, и тогда я узнал, что в этом мире, кроме рыболовецкого шалаша, существует кросс и слалом, а есть ещё гири, штанга и турник. Последний – самый противный из перечисленных, потому, что стоит на месте, а ты крутишься, как белка в колесе и думаешь, что ты солнышко, а Горисвет говорит, что нет. Я спросил, как он определяет, он ответил – по запа-

ху. Смех Огневицы до самой деревни долетел. Я, чуть сквозь землю не провалился. Ему помогало меня тренировать всё местное зверьё: волки, каждое утро шли по моим пятам, на мосту ждали кикиморы с ушанами. Вы не знаете, кто такие ушаны? Ваше счастье! Нет, это не зайцы, и не кролики, даже не ослы с уланами, ушаны – это летучие мыши, величиной с маленького медведя. Вдоль тропинки ползали живые скакалки, не захочешь прыгнуть – прыгнешь, подальше от этого шипенья с пересвистом. Пара упырей, в боксёрских перчатках, ждала меня на конце каждого кольца, эти кенгуру болотные помогали мне выработать реакцию, так что лицо у меня постоянно было похоже на смесь апельсина со сливой. И таких колец, за день, мне надо было накрутить пятнадцать, каждое в три километра. Огневица иногда прибежала, обед приносила, я её по запаху хлеба определял. Прошло три месяца, пока я втянулся в этот дьявольский режим, каждый день считал, когда отпуск у Горисвета кончится. Я не знал, что его Волхв оставил до конца моей физической подготовки, когда я сам, по своему желанию, без принуждения одолею этот маршрут, не прилагая особых усилий, нокаутируя обеих упырей. Волхв сам принимал экзамен, застыв с секундомером в руках. Властелин потустороннего мира остался удовлетворённым, Горисвет тоже, на завтра мой тренер покинул полигон. Волхв дал мне пару дней отдохнуть, чтобы потом прислать нового мучителя. Кросс для меня остался, вместо утренней физической разминки, а для развития мо-

их мозгов, для меня, грозились мага привлечь. Вот придёт маг, тогда ты узнаешь, почём фунт лиха! Маг задерживался. Два раза прилетал Челстуг, но в мой учебный процесс он не вмешивался, у него на Земле своих проблем хватало, там бедному Денису-иномирянину доставалось. Челстуг рассказывал, как они, вместе с Озорницей, две недели не могли его в трамвай затянуть, а в метро три дня ловили, не могли вытащить. Эксперименты с самолётом, Челстуг оставил до лучших времён. Но больше всего Думан боялся поливальных машин. На Земле полигоном город Москва была, всё было терпимо, с переменным успехом, до появления поливалок, тогда иномирянина можно было найти в шестидесяти километрах от Москвы, на пятом этаже, под диваном. И чего он этих плюющихся драконов боялся? (Если честно, мне эти поливальные машины тоже не очень, хуже каруселей и аппаратов гриль, где голые курицы танцуют. Больше десяти лет на Земле, никак привыкнуть не могу). Я уже не смеялся, Горисвет мне рассказывал про козни тёмного царства и что эти изверги с пленными делают, прямо на границе, на глазах стражей, поджаривают пленников живьём, проткнув костяными копьями, как в микроволновке. Нервы не выдерживают. Войны Чертополоха заманивают стражей в ловушку, сколько народу погибло – тьма! Маг пришёл на пятый день со страшилками. Сам маг мне показался длинным неуклюжим, не опрятным, страдающим близорукостью и склерозом, он по пути умудрился потерять свой ботинок и

хромал в одном грязном носке, опираясь на волшебную палочку, больше похожую на рукоять от зонта. Страшилки были настоящими, отвратительными и леденящими душу. Они, по мере своего путешествия, превращались в каскадёров для фильмов ужаса. Здесь было всё: от покойников в гробах, до ангельских вампиров, они перекривляли ведьм, доводя их до бешенства. Мне запомнилась мышь, это явно был он, рискованный и по-хамски – нагловатый, он всегда появлялся неожиданно, и на такой скорости, что сразу не сообразишь, что у тебя бегают под ногами. Мышь любил пугать русалок и драконнес. Последние «Лебединое озеро» танцевали с криками, а русалки рвали друг на друге волосы, потому, что этот мышь любил появляться, как эксклюзивный штрих дамского мастера парикмахерского искусства. Особо мышь гордился своими зубами, они сразу бросались в глаза и были похожи на рентгеновские снимки дантиста, он при любом удобном случае, старался продемонстрировать улыбку пираньи. Когда мышь появлялся у реки, убегали все, даже водяной, над Яузой подымался столб брызг, но это ещё не значило, что впереди их не ждала какая-нибудь другая страшилка. И это был мой учитель, на первый взгляд, недотёпа какой-то. Я ещё тогда не знал, что, чем несуразнее выглядит волшебник, тем легче обмануть жертву и подчинить её чужой воле. У меня создалось впечатление, что мага все боялись и меня ему никто не представил, Аспид смылся с самого утра, а Огневица забыла, где шалаш рыболовный находится. Я уже два

часа бегая по кругу, а к шалашу никак не могу приблизиться. Чудеса какие-то! Зато я нашёл второй ботинок волшебника, захватил его с собой, вот и будет повод познакомиться. Я тогда не знал, что на обочине, если у тропинок есть обочины, я вместе с этим ботинком нашёл настоящего и верного друга, который везде сопровождал и защищал меня от всевозможных пакостей, приготовленных судьбой. Волшебник расположился в рыболовецком шалаше, бесцеремонно выставив мои вещи, тем самым дав понять – живи, где хочешь, а шалаш мой. Из шалаша выглядывали страшилки и корчили мне рожи, как неудачнику. Обидно.

– Это ваше!

Я подал волшебнику потерянный ботинок. Он, с радостью потянул, руки, наверное, узнав пропажу. Но ботинок зарычал, и открыл рот, из платформы торчали острые медные зубы. Маг оценил мои способности к волшебству, он уже почти коснулся пропажи, когда ботинок цапнул его за палец. Потом вырвался из моих рук, и с непонятным скрипом и лаянием, выгнал всех страшилок из шалаша и накинулся на волшебника. Тот кинулся отбиваться зонтичной клюкой, но ботинок явно побеждал, кусая мага за мягкие места. И волшебник не выдержал яростной атаки, побежал, вместе со своими страшилками и колдовским реквизитом, который не пожелал оставаться в одиночестве в рыболовецком шалаше. Не знаю, где этот инструктор фокусный спал, но утром из-за реки, раздались его крики:

– Убери Сапожаку, посади её на цепь, вырви зубы своей кусаке.

Наконец мы определились с принадлежностью этого существа, и я узнал её имя. Настоящие друзья всегда, почему-то находятся на обочинах. У Сапожаки была врождённая нетерпимость к волшебству, и любую иллюзионную картинку он ставил на место, доставалось всем, но больше – фокуснику. Невидимых, Сапожака тоже не любил, они сразу становились слышимыми, и старались, как можно быстрее, покинуть территорию, охраняемую ботинком. Волшебник пропал. За время проживания в тренировочном лагере, я успел подружиться с Водяным. Тот на следующий день, перед моей пробежкой, рассказал, что волшебник пожаловался в совет посеянных на не привитое зверьё, и ушёл в свои волшебные миры, делать блокаду от бешенства. Повезло Огневице, вовремя дракончиков сплывила. Совет посеянных объявил карантин в Московии на неопределённый срок, пока не разберутся, кто Магистра покусал. Сапожака выглянул из шалаша, он там себе место определил, у входа – не жарко, и всё видно. Водяной при виде ботинка заулыбался, а русалки устроили овацию. Сапожака, не привыкший к столь пристальному вниманию, засмутился и спрятался опять в шалаше. В этих местах он был героем; после драки с волшебником, его все, сразу зауважали, а он был не против, ко всем ласкался и старался подружиться. Огневица его сразу полюбила, он был такой потешный. Меня как-то спросили:

– А ваш, этот ботинок, он девочка или мальчик?

Честно, не знаю. Для него, думаю, это не столь существенно важно. Сапожака – он отважный и смелый, никогда не видел, чтобы он пользовался губной помадой или тенями для глаз, весь его макияж сводился к применению кремов, которые он изготавливал сам. Его мягкая кожа, всегда лоснилась от не броской спокойной маслянистой косметики. Мне за Сапожаку предлагали бешенные бабки! Только зачем они нужны – лечите вы этих бабок, от бешенства, сами: друзей не продают, не меняют, не покупают. Сапожака, в быту, был очень скромным, он не мог становиться невидимым, но мог хорошо маскироваться, старался избегать посторонних взглядов. Он всегда был рядом и первым приходил на помощь во всех случаях жизни; за лагерь можно было не опасаться, он никого не допускал в охраняемую зону, кроме Огневицы и Водяного. Челстуга до самого моста прогнал, когда тот решил передохнуть от навалившихся земных неурядиц. За невидимых молчу, они были наслышаны, появлением защитника у посеянного, через магистра волшебства, и без необходимости лишний раз в Московии не появлялись, а Волхв столкнулся. Сапожака не обращал внимание на регалии, ему было как-то всё равно, какое место занимал в мире, тот или иной нарушитель периметра. Волхв отделался легко: всего пузырёк йода пришлось потратить на прижигание ран и тремя днями лежания на животе. Он дал задание своим подчиненным – Мислу и Горлицу выяснить откуда в Московии

появилась такая злока, может потерял кто? Подчинённые Волхва, во все миры отправили запросы с точными приметами Сапожаки, но никто на это счастье не претендовал. Вернуть потерю не получилось. Волхв выходил из себя, впервые срывался учебный процесс из-за рваного кусачего ботинка. Волхв собрал тайный совет и совместными усилиями: Злыдня, Мисла, Горлица и Аспида создали план – как обучить потомка Всевласа и утихомирить Сапожаку. План был настолько секретным, что никто не знал о его содержании, даже Неясыть. Мисл, Горлиц и Аспид стали сразу реализовывать его в жизнь, не обращая внимание на пункты, подпункты, написанного на бумаге. Каждый день отправлялись секретные миссии в соседние миры, что они там решали? Кто знает? Но Злыдень и Волхв были довольны. Им не нравилось, что ботинок превратил Московию в закрытую зону, для попустороннего мира.

Глава 4

Прибыл Челстуг, попросил, чтобы я привязал Сапожаку: – Там наверху приготовили тебе испытание, если не получается научить тебя волшебству на полигоне, не один из магов не хочет связываться с твоей ботиночной собакой, то совет посеянных решил направить вас обоих в волшебные миры, на два месяца, учиться придётся по месту, только учти Дэн, волшебники не будут помогать, наоборот, а вам нужно будет разгадать их козни. Так что, сегодня ты спишь ещё в шалаше, а завтра..., я тебе не завидую

Челстуг исчез. Мне бы так! Вечером прибежала Огневица попрощаться, даже Водяной вылез из реки. Ботинок надулся и лежал на выходе из шалаша, о чём-то думал. Огневица мне подарила детский свисток, а Водяной – жемчужинку. Я спрашивал – зачем, а просто так, пригодится. Я не знал, что в волшебную страну нельзя идти совсем неподготовленным и секреты нельзя открывать, они сами откроются, когда надо. В эту ночь мне ничего не снилось. А проснулся я в цирке семёркой бубен, Сапожака был джокером, передо мной была вся колода карт, повёрнутая к нам спинами, мы готовили какой-то номер, карточный фокус, находясь на арене, а в зале, на местах зрителей сидели громадные тараканы и все щёлкали семечки. Под куполом цирка стоял сплошной шум от этого шелканья. Мне нужно было угадать третьего участника шоу, ошибка исключалась.

– Блин! Хотя бы подсказку какую!

Вспомнил, земную школьную программу – тройка, семёрка, туз. К чему бы это? Я – семёрка, Ботинок – джокер, он же туз, значит в нашем цирковом трио не хватает всего одной карты. Я пробежался взглядом по тройкам, выбрал самую стройную, с косичками. Шпрехштальмейстер развернул выбранную мной карту, это была тройка пик. Все остальные карты пропали. Ботинок запрыгал от радости:

– Ура! Угадали! Это была Огневица.

– В Московии всё равно карантин, ясли пусты и не скоро наполнятся, я решила вам помочь немного.

Я удивился:

– Это же волшебные миры! Ты так легко прошла?

Огневица прикрыла рот Сапожаке:

– Я же посеянная, и у меня пропуск от совета есть.

– А если бы я не отгадал и выбрал бы другую карту, предположим, крестового Валета?

– Тогда помогал бы крестовый Валет, только сомневаюсь, чтобы вам, скорее он работал бы на фокусника. Это мир волшебников, здесь вся карточная колода работает на фокусника, а мы втроём – против всей карточной колоды, против всего этого мира вместе со зрителями, и первый ход за нами.

Тараканы оставили в покое свои пакеты с семечками и начали аплодировать. Открылся занавес, и ноги сами понесли нас по наметившейся тропинке, скользящей змейкой за пределы цирка. Вдоль всей тропинки росли ландыши, и светлячки освещали нам путь. Слабый ночной ветер колыхал цветки и до наших ушей доносился шёпот:

– Нельзя, вернись, вернись, опасно!

Ботинок и Огневица дрожали от страха. Я бы хотел, чтобы страх дрожал, при виде нашей троицы, но как-то не получалось. И тогда я вспомнил старую школьную примету: чтобы не вызвали к доске, отвечать урок, о котором ты, не в зуб ногой, нужно сделать безмятежный вид и улыбаться. Чем больше улыбаешься, тем меньше вероятность, что тебя вызовут. А ещё лучше рассмеяться! Я забыл, что не на уроке. Сразу и ветер прекратился, и шёпот, и тропинка пропала

со светляками, включился свет, раскрыв цирковую арену, и зрители встретили нас овациями, заставив раскланиваться. Фокусник терпел полное поражение, и это нравилось зрителям. В мире волшебства ценили истинное мастерство, даже проигрывать нужно достойно, иначе и в цирк неинтересно будет ходить. Нас зрители никак не хотели отпускать, и тогда фокусник пошёл на запретный трюк, подменив джокер червовым тузом. Лучше бы он этого не делал! Сапожака, наконец, вспомнил, кто он есть! И что не дело нормальному ботинку в чьих-то рукавах прятаться..., он выгнал фокусника на арену и погонял его, как цирковую лошадь по кругу, закрепляя свой успех прицельными укусами. Это был аншлаг! Прилетела скорая помощь, забрала пострадавшего, на этом наше представление закончилось. Я проснулся в шалаше, меня Сапожака разбудил:

- Дэн, ты так стонал и кусал подушку, что я не выдержал.
- А где волшебные миры?
- Это тебе приснилось, Дэн.
- А где цирк?

Сапожака смотрел на меня, как на умалишённого.

- Но ты же говоришь! Ты умеешь разговаривать!

– Я и раньше умел, просто не было необходимости, раньше ты спокойнее был, и спал крепко. Надо будет попросить Огневицу, чтобы что-нибудь снотворного принесла.

- А она что, уже не тройка пик?

Сапожака покачал головой. Утром я не помнил, как про-

бежал кросс и проснулся от хука одного из упырей, а второй мне засветил под глаз. Я так и не понял, где меня носило ночью? Приснится же такое! Прибыл Челстуг, попросил привязать собаку..., блин! Они что, меня в петлю времени загнали? Это же уже было. Над Москвией раздались фанфары, на небе, из облаков, нарисовалась цифра – один. На шалаше сидел Мисл:

– Молодец! Первая загадка успешно пройдена. День перерыва, и продолжим обучение.

Сапожка среагировал, но поздно, Мисл уже растаял с громким вороньим криком, поддразнивая ботинок.

– Разве за всем усмотришь?

И Сапожка успокоился, высунув язык. К птицам он относился терпимее, только пугал, не скаля зубы. Огневица была занята, карантин кончился, привезли новых рожениц, значит скоро ясли будут переполнены. Аспид боялся на глаза Огневице попадаться, и как это он везде успевает, змей неугодный?

Я пришёл в себя на дне лодки, связанный по рукам и ногам, рядом в мешке кто-то трепыхался. Наверное, Сапожка. Над лодкой висел пиратский флаг – перекрещенные человеческие кости под черепом, гребцы были оголены по пояс, между собой общались тайными знаками. Я плохо переносил качку, поэтому мне было не до наблюдений, мне только запомнилась татуировка на спине, сидящего впереди меня туземца с веслом:

– «Смерть найдёт каждого, переступившего границу острова Блинецов».

Лодка резко тормознула, встряв в прибрежный песок. Туземцы, не церемонясь, вышвырнули нас из лодки, как кучу какого-то тряпья. Моя голова ударилась о берег и вновь пришёл приступ тошноты. Я, наверное, кратковременно потерял сознание, очнулся от скрипа уключин, в рядом лежащем мешке кто-то скулил. Пираты не посчитали нужным развязать нас, оставив нож с костяной ручкой и тупым лезвием между мной и мешком. Море шумело, разбрасывая вместе с брызгами лохмотья белой солёной пены. На соседних скалах загорали кайманы, лениво смотрящие в нашу сторону, видимо, как дичь, мы их не прельщали. Весь залив пестрел от морских красивых полосатых змей, они охотились на блестящую рыбу с острыми зубами. Я, с горем пополам, развязал узлы на верёвках, опутавшим моё тело и уже начал тереть завязку мешка, когда на горизонте, на небе появились чайки. Первыми на появление птиц среагировали кайманы, они враз, кубарем, свалились со скалы в море и старались исчезнуть, раствориться в морской пучине. Но было поздно. Эти чайки были больше похожи на ангелов смерти, с белыми упругими крыльями. Их высушенные тела с собачьими головами летучих мышей – вампиров, как никто, подходили для этого ужаса, который я вначале принял за безобидных чаек. Эти птицы выхватывали добычу из глубины залива, разрывали её над поверхностью моря и глотали огромными кусками.

ми, не пережёвывая, их тела растягивались и увеличивались, как зоб пеликана, и насытившиеся монстры, улетали по одиночке, крыльями касаясь волн. И только, по чистой случайности нам повезло, что мы не шевелились и никто из птиц не обратил внимание на берег. Я от греха подальше, нашёл маленькую пещерку, вымытую приливами и перетащил мешок туда. Разрезать узел не получалось, я его, с трудом, расстрепал, чуть не сломав нож. Из мешка вылезло непонятное существо, похожее на волка, ходящего на двух лапах. Он даже внешне выглядел игрушечным: – растрёпанным и совсем не злым.

– Ты кто? Сапожака?

– Сам ты такой! Я Ула.

– Ты волк?

– Я Ула, и не ем ни бабушек, не Красных шапочек.

– А, где мы?

– Мы в волшебных мирах, рядом море Неудачников. Точно. Это вторая планета волшебников, и нам повезёт, если нас не выкинули на остров Близнецов.

Ула осмотрела берег, повсюду валялись куски мяса от кайманов, выроненные «чайками».

– Что здесь было?

Я попытался объяснить, но не смог. В крайнем случае Ула меня не поняла:

– Какие птицы? Каких крокодилов? А что такое змеи?

Я показал на море.

– Ты, наверное, не местный?

И Ула выхватила змею из воды, это шнурки, кто-то решил постирать шнурки. Действительно, шнурок не предьявлял никакой агрессии. Я вспомнил – мы же в волшебных мирах.

– А, почему море Неудачников?

– А ты считаешь, что тебе повезло, что ты оказался здесь, в чужом мире, и тебя чуть не съели птицы, с рожами летучих мышей?

Я промолчал.

– А где Сапожака?

Ула опять ничего не поняла. Сапожаки не было, мой друг не мог меня предать, значит пираты забыли его, либо в лодке, либо на корабле, по случайности, поменяв мешки и подбросив мне Улу. Значит не всё потеряно: Сапожака всю Московию заставил себя уважать, а с одним кораблём пиратов, я думаю он справится. У меня появился маленький призрачный шанс на спасение. Осталось только определиться куда мы попали и для чего нас пираты выбросили на этой земле. Ула выходила из себя:

– Слушай ты, неандерталец! Не знаю в каких землях ты рождён, до тебя, до сих пор, не дошло, что нам конкретно не повезло? Нас выкинули на знаменитом острове Близнецов, из-за него, наверное, и море назвали морем Неудачников. В наших мирах, даже дети знают про эти места, а ты, пришелец, хуже новорождённого!

– А близнецы – это кто?

И Ула мне рассказала легенду про возникновение этого острова.

– В начале было море, море было всегда, не было земель, не было волшебников – сплошное море! Потом поверхность моря закипела от сотрясений и появилось два одинаковых смерча, которые бороздили море, вымывая и выбрасывая донный грунт, за два часа они намыли остров, и открыли какую-то тайную дверь, море стало уходить и появились земли. Говорят, что всех животных, людей и растения принесли в этот мир эти смерчи. Они, с той поры, возникают ежегодно, где хотят и как хотят, одних забирают, других приносят.

– Тебя, наверное, тоже смерчи принесли?

– Не – е – т, меня пираты выкинули, вместе с тобой.

– Жаль! Значит мы с тобой не нужные.

– Кому не нужные?

– Никому не нужные, мы из тех, которых даже море не принимает.

– Море всех принимает.

– Нет! Вот смотри.

И, Ула надела коньки, валяющиеся на берегу, и поехала по гладкой поверхности моря, как по льду. Я подошёл, попробовал, зачерпнул пригоршню моря, по пальцам потекла вода.

– Ула, ты тоже волшебница?

Ула приблизилась:

– Нет, просто я родилась в этом мире, и привыкла к тому, что в других мирах кажется невероятным, неестественным. Здесь так, если что-то сильно захотеть, море выполнит желание: хочешь оно будет твёрдым, как асфальт, хочешь, превратиться в облако и корабли будут парить по небу, хочешь, будет бежать наперегонки с тобой по берегу, став маленьким ручейком. Море тоже живое, ему тоже поиграть хочется. Только, чтобы игры были добрыми. Море не любит волшебников. Волшебников никто не любит в наших мирах, они не честно захватили власть. Наш мир добрый, а с ними пришло зло – обман и подлость, они принесли раздор в этот мир, люди перестали верить друг другу. Волшебникам нравится, когда они кого-то обманули, они радуются, когда кому-то плохо. Волшебники боятся моря, поэтому и нанимают пиратов, чтобы избавиться от неудобных.

– Ула, ты хочешь сказать, что это волшебники распорядились выкинуть нас на этот остров? А зачем?

– В жертву близнецам.

– А близнецы – это кто?

– А разве я не говорила, близнецы – это два смерча, которые и создали этот остров, они каждый раз появляются в своих владениях и делают генеральную уборку, подметая и унося весь скопившийся на острове мусор.

Ула меня успокоила, по её представлению, мы были всего лишь жертвенный мусор для братьев-смерчей.

– Так что? На острове никто не живёт? Он не обитаемый?

– Не знаю, сама в первый раз тут. Ну, что волшебников здесь нет, это точно. Так что можно не опасаться не волшебства, ни колдовства.

Не знаю, если кататься по морю на коньках, Ула не считает волшебством, то для меня здесь всё было волшебно. А что Ула говорила про колдовство? Мы решили обследовать остров, покинув гостеприимный залив, в надежде найти какое-нибудь убежище от чистоплотных братьев. Особо беспокоилась Ула, она боялась, чтобы смерчи не затащили её в другие миры, в глубине души она надеялась вернуться к друзьям, в свой дом. Ула ничего не рассказывала о себе, но не задавала и наводящих вопросов. Это, наверное, было последствием политики волшебников. Для хорошего фокусника, достаточно твоего имени, чтобы выведать всю информацию о тебе. Но Ула гарантировала, что море не пропустит никого, имеющего дело с волшебством. И мы, не спеша пошли вглубь острова, подальше от прибрежного песка и усыпляющего шума волн. Я, в последний раз, оглянулся на море, но не корабля, ни Сапожаки там не было, нужно было надеяться только на себя и скорее искать убежище. На берегу мы были не защищены и представляли лёгкую добычу для близнецов. Но прибрежная полоса песка, заканчивалась песчаными скалами, с гнездовьями каких-то птиц. Всё-таки на острове была жизнь, если смерчи не смогли птиц утащить, значит и у нас был шанс. Пришлось вспомнить свою физическую подготовку. Улу пришлось нести в мешке, странно, но она па-

нически боялась высоты и абсолютно была лишена способностей к скалолазанию. В скалах было много мелких пещер, но они напоминали мне больше мышеловки, расставленные братьями, все пещеры были со следами ветровой эрозии. Я решил не задерживаться, карабкаясь вверх, навстречу неизвестности. Птицы были небольшими, похожими на земляных стрижей, не проявляли характерной для них агрессивности, при приближении к их гнездовьям. Всё же, я старался передвигаться осторожно, особо не тревожа островных жителей. Я боялся даже смотреть вниз, а, даже небольшая стая этой мелочи, меня запросто могла скинуть со скал. Я медленно полз, иногда мне казалось, что я держался за воздух, когда нога соскальзывала с очередной расщелины, но я руками и зубами держался. Чем выше мы подымались вверх, тем рыхлее казались скалы, чаще встречались осыпи, и окаменевший песок стал чередоваться с суглинками, появились плети корней первых кустарников. Самыми тяжёлыми были последние два метра моего подъёма, я полз, полз, а казалось, что стоял на одном месте, и только, когда нога ощутила под собой твёрдую поверхность, я понял, что мы победили. Это была первая, взятая нами высота на этом острове. Я посмотрел на море – оно было далеко внизу, спокойное, как зеркало, уходящее, со всей своей аквамариновой красотой, к горизонту. Волчок вылез из мешка, взглянул на море, и упал без сознания. Пришлось мне его перетянуть подальше от границы скал. Дальше была нормальная почва, с травой и прочей

растительностью. Я дождался, когда Ула очнётся от обморока, немного придёт в себя, и мы потопали в сторону темнеющего леса. Ула по пути находила съедобные грибы и ягоды, угощала меня. Странно, но за всё время наших злоключений, совсем не хотелось есть, чувство голода притупилось. Трава с кустарником незаметно перешла в низкорослый лес, потом деревья стали выше, но чувство тревоги не покидало меня, хотя за время нашего пути нам никто не встретился. Было такое ощущение, что за нами кто-то наблюдает. Вся местность была настолько ухоженной и чистой, что мне казалось, что это не лес, а парк, и мы вторглись непрошено в чьи-то владения, и хозяин недовольно наблюдает за нами. Я старался быть внимательнее, чаще оглядывался ..., и заметил, из-за деревьев за нами подсматривал маленький зелёный человечек, он незаметно передвигался по нашим следам, оставляя, только ему понятные, метки. Мне это не понравилось, не люблю слежки. Я развернулся и погнался за тайным преследователем, ничего не понимающая Ула, старалась не потеряться и не отстать от меня, включая свой волчий нюх. Я его уже почти догнал, но этот зелёный, подбежал к озеру и приподняв его край, как складку скатерти, нырнул в открывшуюся нишу. Я попробовал: вода была холодная, текучая, мокро

– Брр – р.

Подбежал запыхавшийся волчок:

– За кем ты гонки устроил, инопланетянин? Еле догнал.

– Да вот, за одним аборигеном, маленький такой, зелёный, следы за нами метил, веточки клал.

Ула насторожилась:

– Покажешь.

– Покажу.

– Ну, а где этот зелёный?

– Озеро, как штору отодвинул и пропал в озере.

Ула подошла к озеру:

– Так?

И повторила действие зелёного преследователя. Озеро поднялось, обнажив дно.

– Да, так он и убежал от меня.

– Вот уж, какой ты непонятливый инопланетянин, зелёного мы уже вряд ли найдём. Я же тебе говорила, что только нужно сильно захотеть, и вода будет тебе послушна.

Ула возвратила озеро в первоначальный вид.

– Теперь ты открыть попробуй.

Я пытался, но у меня ничего не получалось.

– О, о, откуда ты взялся на мою голову?

– Я землянин, и, вообще, меня Дэн зовут.

– Слушай «День» ты потренируйся, а я немного отдохну, пойду следы с метками проведу, распечатаю, а то, как бы какой беды этот зелёный не накликал.

Я начал тренироваться; хотеть сильно – это как, но на ум приходило лишь одно действие, хотеть сильно – это когда терпенье лопається. Ула не упускала из виду мои усилия, и

она, наверное, подсматривала мои мысли.

– Ты на правильном пути, землянин.

Я уже вымыл свои руки, лицо, готов был весь нырнуть в холодную воду, но у меня ничего не получалось. Ула смеялась про себя с этого землянина, опасаясь выдавать реплики. Вдруг из воды выглянул глаз, потом ещё один, появилась голова зелёного, и мне захотелось так его поймать, сильно захотелось. При моём приближении, этот коротышка прибежал к уже проверенному приёму, поднял участок озера и попытался скрыться в нише, но я успел, я не дал сомкнуться озеру и успел схватить мальчика за ухо, и вытащить его из-под воды.

Глава 5

Ула допросила мальчика:

– Он совсем ещё ребёнок, взрослые вчера ушли, по морю, на соседний остров, а его оставили. Ему скучно. А тут мы. Он наблюдал за нами, ещё когда мы по стенке ползли, и удивлялся, а почему вы не воспользовались лифтом?

– Ага, я понял, это игра такая – рядом лифт, а мы ползём, друг друга в мешках переносим, чтобы никто не догадался, что нас много, и птицы ничего не рассказали братьям.

Я посмотрел на Улу:

– Ты лифт видела?

– Нет.

Я повёл зелёного к скалам. Он оттолкнулся от края, и ласточкой, взвился над поверхностью, медленно, как дельта-

план, кругами, спланировав на берег. Ничего себе лифт! Я бы такое, ни за что не повторил. Вверх зелёный не стал подыматься, нашёл какую-то нору и провалился под землю. Это был первый гуманоид, встреченный нами на «безлюдном» острове. Мне, не солоно хлебавши, пришлось объяснять Уле, что малой меня, всё-таки, провёл, оставил «с носом» на верху скал. Этот лифт, был наподобие элементарных штук, рождённых в стране волшебников:

– Прыгать со скалы так же просто, как скользить по морю и прятаться под озером.

Но, если бы я, даже очень сильно захотел, и повторил подвиг зелёного коротышки, боюсь, одним неудачником в этом мире, стало бы меньше. Ула меня не отчитывала, малыш нас не боялся, нашёл для себя более интересное занятие, чем объяснять этим взрослым, как надо спускаться со скал. Ула опять подвела меня к озеру:

– А ну, попробуй ещё раз поднять край, может тот раз у тебя случайно получилось.

– Та, запросто!

И я раза три встряхнул эту водную скатерть. Ума, удовлетворённо, улыбнулась:

– Молодец! А по воде тебе побегать – слабо?

И волчок пробежала по поверхности воды.

– Главное поверить.

И я кинулся её догонять. Сначала мне вода показалась липкая, как клей, а сзади меня собирались кисельные лужи,

но потом, вся поверхность озера превратилась в балетную сцену, и хотелось танцевать, отражаясь в зеркальной поверхности водоёма, но мой взгляд скользнул по берегу, на котором собрались совсем не восторженные зрители из местных бобров, и вертели возле виска лапами, осуждая наше поведение и показывая на небо. Небо потемнело, нахмурилось, и я вспомнил, зачем мы пришли в этот лес, похожий на парк. Но было поздно. Сначала грянул гром, вдали зарождались два вихря.

– Бежим! – закричала Ула.

Пошёл дождь. Ула подняла край озера

– Прячемся.

И мы нырнули на дно. Удивительно, но здесь было сухо: вода была рядом, над нами, но нас не касалась, мы были, как в аквариуме, все видели, что твориться в озере, мимо нас проплывали стайки рыбок, ползали медлительные улитки, как фантастические змеи извивались пиявки, черепахи, похожие на камни, вертели своими уродливыми головами. Вдруг озеро сильно встряхнуло, наш аквариум чуть не рассыпался, на небо было страшно смотреть, даже через толщу воды, видны были оскалы чудовищных молний, летали вековые деревья и прибрежный песок.

– Не смотри в небо, – предупредила меня Ула, – встретишься взглядом с братьями, и мы погибли.

Я, вообще, закрыл глаза, постарался успокоиться и заснул. Проснулся в шалаше на берегу Яузы. Рядом никого не было:

ни Улы, ни Сапожаки, ни Челстуга. По реке ходил водяной, громко стуча лягушечьими лапами и норовил, чтобы брызги летели на шалаш. – Вставай землянин, хватит дрыхнуть! Спорим ты так не можешь, и водяной сделал шпагат на воде. Какой странный сон, мне снилось, что я танцую на воде и даже прячусь под озером от каких-то близнецов, которым нельзя в глаза смотреть. А может это не сон? И я поддержал водяного: мы с ним побегали по реке, до моста и назад. Водяной выиграл спор, я не смог сделать шпагат.

– А ты так можешь?

Я поднял полог реки и спрятался на дне. Я видел, как водяной топает своими лапами над головой, только он не понял, куда я делся и где меня искать. Я пожалел нечисть, выскочив за его спиной. Водяной перепугался, от неожиданности, и дал дёру вверх по реке. На прибрежной иве хохотал Неясыть, наблюдая за нашими играми. Жалко Огневица занята, и никому до меня дела нет. В шалаше я нашёл кусок свежего хлеба и немного ухи в котелке. Наверное, кто-то был из гостей, в моё отсутствие, вряд ли, чтобы это был Челстуг, река она общая, ничейная.

Думан не мог привыкнуть к земному имени, в его стране – Ден, это яйцо, а Денис – яичница. Думан всё понимал, но мозг отказывался воспринимать это имя. У этих землян, не язык, а сплошные ругательства. Челстуг обещал адаптер принести. С адаптером легче в этот мир вклиниться. Вот

Озорнице повезло с именем, Алёнка красиво звучит на любом языке.

– «Яичница», ты дома?

Это Алёнка пришла. У неё не получается ключом двери открывать, приходится мне швейцаром работать. «Коршун» не прилетал, как его по земному – Сёма, последнее время в потусторонних мирах ошивается. Провёл к нам интернет, оплатил за полгода, осваивайтесь. Приходится. С деньгами проблем нет, мой секретный карман, любую валюту напечатает и выдаст. Действительна в течении суток, потом исчезает, растворяется в воздухе. Документы – это по Алёнкиной части, хотя я до сих пор не пойму, для чего они – эти прописки, регистрации. Дурдом! С языком проще – Нам его Челстуг за ночь нашептал. Писать пришлось самим учиться. Мне тяжело было с интернетом освоиться, Алёнка мигом схватила, а я... мне больше нравится за работой девушки наблюдать и картинки разные рассматривать. У нас такого нет. А вот телефоны, такси различные – это лишнее. Поначалу я боялся: автобусов, троллейбусов, поездов, потом понял принцип теплового двигателя. И зачем всё это, когда нас с детства учат на уроках волшебства, перемещаться за счёт внутренней энергии вспомогательных предметов. Глупо это всё. «Коршун» предупредил, чтобы мы тут не выделялись сильно, а я всё равно не удерживаюсь, когда на пятый этаж топать приходится, по периллам, наверх то быстрее. Конечно не без казусов. Вчера мелкий постучал:

– Дядя, на ваш балкон воздушный змей приземлился!

Я нажал на все внутренние кнопки аварийной сигнализации, спасая Озорницу, она через стены трёх комнат пролетела, чуть за периметр дома не выбросилась; я же в кевларовой защите, с мечом-кладенцом наперерез, но не нашёл никого, я всё внимательно осмотрел, не может никак, на нашем балконе, Змей-Горыныч поместится. Я к пацану: нет там змея никакого. А он в слёзы. Алёнка пришла разобралась, потом мне по интернету картинки этих воздушных змеев показывала. Семён рассмеялся, у него тоже, по началу, этих казусов много было. Конечно, не всё здесь плохо, кое – что и мне понравилось: музеи, например, и кинотеатры. Компьютер – это всё равно, не то: не тот эффект, не тот масштаб! А ещё мне понравился планетарий, красиво там, так спокойно, век бы сидел наслаждался, любясь звёздами и галактиками. У нас этого нет, у нас и звёзд нет, что только в «Московии», и то, не так много. Москва нам уже с Алёнкой надоела, мы её вдоль и поперёк исходили, речек в ней много, но все грязные. В магазинах одно и то же. Нам не понравилось. Сема нас приодел по – современному, с Алёнкой возле компьютера спорили, какой фасон моднее и современной. Когда мы немного освоились, стали применять свои способы перемещения, это когда стоишь в Москве в Лужниках и представляешь свою подмосковную квартиру, а через пару секунд идёшь на кухню, чтобы включить газ и поставить чайник. Всегда завидовал Челстугу, он без спичек газ зажигает, одним щелчком паль-

цев, а у меня не получается, видимо урок прогулял. Алёнке нравится путешествовать – то в Гагры, то в Одессу. Она у меня красивая, но я за неё не боялся, я знал, что она обладает способностью высшего разряда ведьмы, даже сертификат есть, выданный Магистратурой волшебства. Ей нравился экстрим, и чем страшнее и нелепей ситуация, тем для Алёнки было интересней. Ей нравилось из жертвы превращаться в судью, она сама определяла наказание, и сама помогала отбывать приговор. Я знал, что для ведьмы не существует запретов, каждый развлекается, как может. Семён занимался лечебной практикой, он у нас был по знахарской части. Я уже и забыл, что был не здоров и прикован к лавке. У нас стали появляться друзья, мы уже успели примелькаться в этом маленьком городке. Алёнка подружилась с девочкой с третьего этажа. Не так уж страшна эта Земля, как по началу казалось!

Я уже привык просыпаться в другом измерении, и не понятно – может я сплю? И продолжаю видеть сны? Я очутился в огненной стране. Ничто так не символизирует танец, как огонь, вокруг меня действующие вулканы, потоки магмы наплывают друг на друга и срываются вниз – в океан, оставляя после себя груды искр и причудливые застывающие фигуры на поверхности. Я на единственной площадке, свободной от огня, он ещё сюда не добрался, но это дело времени, огонь метр за метром начал отвоёвывать территорию, спихивая меня в пропасть, приглашающую слабого человечка в свои хо-

лодные объятия. Мне нужно пройти через огонь, я это знаю, но как? На этот раз рядом никого, и подсказать некому.

– Проглоти жемчужину. Проглоти жемчужину.

Я вспомнил за подарок водяного и по подсказке внутреннего голоса, протолкнул эту гладкую овальную пилюлю в пересохшее горло. Сразу, вокруг меня забурлили водяные фонтаны, превращаясь в гейзеры от жара, это давало минутную передышку, не более.

– А что, если сильно, сильно захотеть? Не то. Нужно пройти по земле, ещё до появления пламени. Надо попробовать! Получается удержать время на доли секунды, а потом – огонь, этого достаточно, чтобы сделать пару шагов и не ожечься. А, была, не была!

И я побежал по возникающей под ногами, тропинке. Сзади меня был ад. Со стороны это смотрелось, что я выскочил из огня, но выскочил! В этом месте огня не было, в этом месте была скала и дверь в скале. На скале сидел Мисл и противным вороньим голосом оглашал:

– Двери закрываются. Следующая остановка – «Москва»!

Я уже знал, что проснуться мне предстоит в шалаше. Не верилось, что и это испытание мне удалось пройти, не без помощи водяного, но всё же. Меня разбудила Огневица, уложила спать своих беспокойных подопечных добралась до шалаша и гусиным пёрышком начала щекотать мой нос. Я проснулся от чиха, а ещё от того, что кто-то над головой гун-

досил:

– Вставай лентяй! А то, ночью в самый костёр залез. Холодно было?

– Сапожака! Я его увидел, только раскрыл глаза. Где же тебя носило?

– О, это долгая история. Вечером расскажу.

Огневица полетела в деревню, к своим дракончикам.

– Сапожака! Как я рад тебе, если бы ты знал. Сегодня, вообще, день удачный, все собрались у шалаша. Челстуг с Земли пожаловал.

– Мне Неясыть говорила, что видела, как ты ночью из коста вышел?

– Было дело.

– Значит ты прошёл испытание огнём. Нужная дисциплина. Без этого, никак со Змеем-Горынычем не справиться. И сосед щёлкнул пальцами вызвав огонь.

Как это он делает? Челстуг заметил мою заинтересованность:

– Хочешь, научу! Представь себе огонь, войди во время огня, когда он горит. И занеси его на кончики пальцев.

Челстуг снова щёлкнул пальцами:

– Вот так!

Я попробовал. Получилось, только пальцы ожёг. Сосед рассмеялся, каким-то газом охладил мой ожог:

– Да не так близко, выдерживай расстояние. Если потренироваться, то огненными «снежками» кидаться получится.

А ещё я знал человека-ракету. Огонь – это большая сила!

Я попробовал ещё.

– Ура! Получилось!

Дослушать историю Сапожаки не получилось, он только начал рассказывать про свои увлекательные приключения на корабле пиратов. Меня, уже не церемонясь, выбросили в непонятной проекции неизвестной страны. Сначала я не понял, здесь было абсолютно открытое пространство, в воздухе висели крупные водяные капли, вдали блестели массивные зеркала, а небо было, как нарисованное. А потом появился холодильник, большой промышленный агрегат, в котором есть всё: и мороженное, и пирожное, и варенье, и печенье, даже то, чего не хочется. Но первый же мой шаг, к заветным лакомствам, завершился падением. Я перецепил, не знаю, за что, но упал и чуть не сломал себе шею. Раздался чей-то смех, я был не один, кто-то смеялся над моей болью. Я вспомнил, как на Земле, чиновники издевались над моей беспомощностью, требуя собрать всевозможные справки, доказывающие мою инвалидность, для получения права на выплату минимальной пенсии. Я поднялся, но в меня запустили комком грязи, испачкав лицо, грязь застряла в волосах и застыла горячей смолой. Теперь уже смех никто не скрывал. Смеялось само пространство, дёргались от смеха водяные капли, звенели вибрирующие зеркала. Тогда я решил убежать из этого места, но кто-то подставил подножку, и я въехал носом в толстое стекло. Стекло было прозрачным,

и мне пришлось применить усилие, чтобы заметить отблеск стеклянной стены, разделяющей это пространство. И я их увидел, они прятались за стеной, для меня она была не преодолима, а они проникали сквозь стекло беспрепятственно. Они отражались в стекле и были похожи на детей с грязными взрослыми лицами. Это были призраки с плутоватыми улыбками, и длинными неухоженными волосами. Я под ногами нашёл что-то похожее на трость волшебника или на обломок бильярдного кия и гребень, обыкновенный деревянный костяной гребень, которым хвосты и гривы лошадям расчёсывают. И я начал охоту. Эти невидимки ещё в водных каплях отражаются. Поймаю хоть одного, расчешу, как положено и всего в грязи изваляю. Невидимки что-то заподозрили, я спрятался за водную каплю, и через отражение, наблюдал за проказниками. Они время от времени пробегали мимо, но я старался не шевелиться и слился с поверхностью. Невидимки злились, но не могли понять, где я спрятался, для них я был невидим в отражении лучей света, в капле. Капля всё материальное искажала и превращала в фантастические образы. Меня она превратила в вытянутую кляксу с фиолетовыми разводами. Привидения начали меня искать. К капле они боялись близко подходить, видимо знали, что она делает их видимыми. К их разочарованию, я пропал. К моему разочарованию – они были не материальны и трость проходила через их фигуры, как через туман. Тогда я понял с кем имею дело и изменил немного тактику, я из трости и

двух шнурков сделал петлю-ловушку и стал, не спеша прохаживаться вдоль стены, время от времени услаждая призраков музыкой расчёски по стеклу. Им так нравилось, они уже не знали, чем уши заткнуть, я жалел, что у меня ластика нет. На обратном пути меня ждала целая дюжина материальных ног, готовых к применению. Я применил ловушку и успел захватить в плен несколько приведений, связав их за ноги. Остальные убежали и боялись высовываться из-за стеклянной стены. Но мне пока и этого хватит. Картина получилась странной, всё это скопище призраков, было похоже на связку протезов или сломанных манекенов. Я приступил к основному плану своего обещания, посадив первое же попавшееся приведение на камень, перед водяной каплей, и невзирая на плач, на жалобы, стал причёсывать гребнем, волосы росли до самых пят, я их заплёл в косички. Итак, эту процедуру я провёл со всеми пленниками. Потом, как обещал, я вывалял всех в грязи, сделав на время обозримыми и материальными и отпустил на волю. Думаю, желание делать пакости у них отпало. Привидения с рёвом кинулись через стекло, но стена грязнулей не пропустила, но у невидимых были другие каналы проникновения за кордон материального, они появились с другой стороны стены. Если бы вы видели, как разбегались их соотечественники от этих страшных глиняных монстров, с коровьими хвостами вместо волос, с копытами из грязи, норвящие всех испачкать своими грязными руками. Вдруг я заметил, что в каплях открылись ок-

на и двери и из них выглядывали странно одетые личности, похожие на гномов. Они не скрывали своих улыбок, им нравилось, что кто-то проучил призраков. При этом, детей в окнах было больше, чем взрослых. Они крутились и танцевали, перекивляя грязнулей. Возле двери, один из гномов не удержался и упал с высоты на поверхность. Я успел его перехватить. Это был взрослый житель, с кучерявой серебристой бородой. Эти аборигены были такими маленькими, что помещались на моей ладони. «Гном» уцепился за мой мизинец и боялся свалиться с ладошки. Я его спросил:

– Ты кто? Как тебя зовут?

«Малыш» пропищал в ответ:

– Это страна капель, а мы народ этой страны, сильный, страшный и независимый!

Я посадил это «страшилище» в его каплю. Меня тормозил Сапожака:

– Я уже третий раз рассказываю, как я от пиратов ушёл, а ты всё отрубашешься и спишь, своим храпом слушать рассказ мешаешь.

Передо мной сидел водяной, он тоже был чем-то похож на этот капельный народ, такой же сильный и страшный, только зелёный. А жители страны капель, не имели имён, они отличали друг друга по оттенкам. Свет в этом мире был важнее звука. На тахте из веток сидел Аспид и подслушивал, что здесь творится, он думал, что его никто не видит, но слуга Злыдня отражался в глазах водяного, как в зеркале. Ох, и до

чего же он уродлив, и за что его драконессы любят? Челстуг уже улетел, он ненадолго прилетал в «Московию». Вскоре толпа перед костром рассеялась, и мы остались с Сапожакой вдвоём. Не знаю, свежий воздух тому виной, у реки, или что другое, но я так устал, глаза сами слипаются. На этот раз меня пожалели, дали отдохнуть. Я проснулся в родном шалаше, в уголке тихо сопел Сапожака, на небе догорали редкие звёзды. Мне нравилось спокойствие этого мира, Сапожака научился отличать друзей от недругов и не бросался с лаем на слуг потустороннего мира, были мелкие конфликты, не без этого, его птицы любили дразнить, а Неясыть, даже еду воровала из-под носа. Сапожака не обижался, никто не знает, как он пополнял свой энергетический баланс, даже мудрый Мисл. А Неясыть он специально подкармливал, знал, что ей даже охотиться некогда.

Глава 6

Появился Волхв, сам пришёл, без охраны и свиты секретарей:

– Первая стадия обучения закончилась. Теперь самое основное – путешествие по мирам. Пока, на время обучения, у тебя свободный допуск, с запретом попадания в закрытые миры, тебе туда ещё рано. Во всех мирах тебя будут контролировать, до этого, ты был пассажиром при посаженном, а теперь тебя будут учить перемещаться самостоятельно. Ты удачно справился с обучением у волшебников, под руководством Улы. Даже я не верил в этот проект. Теперь перед то-

бой стоит новая задача, я верю в тебя, гляди не подведи.

Потом прибыл Челстуг и представил существо не от мира сего. Это Линод, он странный немного, но лучший специалист проникновения в миры. Его трудно понять, но ты постарайся, пожалуйста! Линод совсем не был похож на человека, это скорее было издевательство над человеческой физиологией, он, даже в разговоре перекиривлял нас. При первом же нашем знакомстве, он превратился в пародию на меня: его ноги стали короткими, тело отличалось мощным торсом бодибилдера, руки были до земли, а лицо, моё лицо, опухшее с перепоя, с идиотской улыбкой больного шизофренией. И это был мой новый тренер, где его «Коршун» откопал? Линод постоянно что-то бурчал под нос, мог запеть или засмеяться. Но тут, на беду, принесло любопытного водяного, его всегда тянуло к людям, но в этот раз, он появился в неурочный час. Линод резко переключился на новый объект для пародирования. Не знаю, что мог за несколько секунд показать ему этот сверх гениальный путешественник, но я впервые увидел покрасневшего водяного, одновременно, от стыда и от обиды. Водяной нырнул в речку и больше не выныривал, распугав стайку русалок. Этому Линоду до всех было дело: Сапожаку он довёл до бешенства, досталось и Челстугу. Сапожака кинулся защищать своё достоинство, он попытался укусить противного пришельца, Но Линод, одним движением конечности, разделил голенище с челюстью, фактически разорвав ботинок пополам, заставив обнажённую плат-

форму кусать то, что осталось от ботинка. Бедный Сапожака! Мне его было жалко. Его так, ещё никогда не унижали. Линод подмигнул мне, всё стало на свои места, Сапожака, в ужасе, побежал через мост в деревню, жаловаться Огневице, и чтобы она ни в коем случае не ходила к шалашу. Челстуг, при первой же возможности, тоже смылся. Остались мы с Линодом один на один. И занятия начались.

– Прежде всего надо знать, куда ты хочешь переместиться, зачем, как и в каком виде. Нужно хорошо представлять, чего ты хочешь и хотят ли этого другие?

Тренер оборвал свой урок на пол мысли и запел, на манер оперного певца. Ему кто-то ответил, подхватив эту же арию. Урок тут же был прекращён и Линод куда-то засобирался, его ждали. Пусто стало возле шалаша, непривычно, тренер своими пародиями всех разогнал. Я потом сообразил, это Линод делал умышленно, чтобы держать в секрете тайну перемещений. Каждый путешественник имел свой почерк, плагиат на перемещения не допускался. По почерку можно было специалисту определить, кто твой учитель, и как ты не заметай следы, всё равно вычислят, даже к какому клану ты принадлежишь. Перемещаться самостоятельно могут только посеянные, людям это не дано. Мне очень хотелось знать, к кому это поспешил учитель, но любопытство в этом мире не приветствовалось, особенно, по отношению к Линоду. К тренеру привыкнуть было тяжело, из-за его эксцентричности; нет, к песням и смеху без причины я почти привык, но

то, что он постоянно меняет образ и старается напугать до заикания, с этим были проблемы. Как вам понравится, если тренер вышел на занятие в образе аллигатора, а через пару минут он уже королевская кобра, это из тех, кого я знаю, а бывают ещё и другие образы – чужие и не менее страшные.

– А сейчас мы будем учиться ориентироваться на местности, и тренер превратился в гиену.

– Наша задача определить нахождения зон, связанных с другими мирами. Местные жители сторонятся их, говорят, здесь живёт сила. Народ пропадает. А мы будем искать, где находятся эти зоны. Пропадать не советую, всё равно найду. Зона – это аномалия для природы, всё в ней не так: не правильно светит солнце, разбрасывая тени от предметов в различные стороны, не правильно растут деревья, как бы, убегая из зоны, зону стараются покинуть все, здесь нет комаров, муравьёв, только прямая космическая энергия, изгибающая время. Зона – это не дверь, открыл и пошёл, зона – это накопитель, в котором малейшее нарушение баланса, приводит к открытию портала в другой мир. Каждая зона должна созреть, прежде чем разродиться энергией. Я научу тебя определять готовность зоны, чтобы не торчать в одном месте сутками, в ожидании перехода. Но пока, определение аномалий, иной раз, зону легче почувствовать, чем определить визуально.

И тренер превратился в огромного зимородка, и как живая ракета взвился в небо:

– Полетели!

Я помахал руками, но остался на земле. Линод сделал пару кругов, перед тем, как приземлиться.

– Ты что, летать не можешь?

– Да и не умел никогда.

– Да! Недоработка.

И тренер вызвал Волхва, просто выдернул его из потустороннего мира и подвесил в воздухе, во избежание травм. Волхв, возмущался, надувал щёки, пучил глаза, ругался, читал заклинания и вертелся, как сосиска в гриле. Линод выключил звук и стал ждать, когда «волшебная» энергия закончится у одного из властелинов потустороннего мира. Наконец Волхву надоело кувыркаться над поверхностью, он сдался и попросил опустить его на землю. Линод включил звук, и убедившись, что в эфире тишина, приготовился к диалогу. Начал сразу с нападения:

– Вы почему мне даёте для обучения неподготовленный материал?

Волхв не ожидал атаки:

– Как? Землянин прошёл волшебный минимум, есть заключение комиссии и подпись Улы.

– Подопечный не может летать.

– Как так, не может летать? Да у нас дети учатся этому раньше, чем начинают ползать!

Учитель перебил властелина:

– Это у вас. Не забывай, что он землянин. А на землян

наложено ограничение на передвижение в пространстве, которое они успешно пытаются нарушить, любым способом.

Волхв задумался.

– Понял! Со всех волшебников, Ула единственная не умеющая летать, из-за страха высоты, она больна акрофобией, и это неизлечимо.

Линод вернул меня на доработку, как бракованное изделие:

– Нет ничего хуже недоделанных волшебников.

Волхв вызвал Челстуга, чтобы посоветоваться – кому меня сплавить. В этих мирах нет специализированных учителей для полётов, дети, под присмотром старших, сами овладевают этим искусством перемещения, проблема заключается в том, чтобы хватило у наблюдающих за детьми, терпения и реакции, чтобы избежать ненужных падений и шишек на голове, со слезами, истерикой и всеми вытекающими последствиями. Пока мои надзиратели спорили между собой и искали крайнего, я вспоминал, как моя мама рассказывала сказки, и в сказках ведьмы, колдуны и волшебники могли летать и мгновенно передвигаться в пространстве. Значит жива была память генетическая. Я, будучи парализованным ребёнком, так мечтал стать одним из этих волшебных существ, и моя мечта сбылась. Наконец Волхв с Челстугом успокоились, нашли между собой консенсус, и мне тренера – самого ленивого и жирного со всего волшебного мира.

– Отныне, господин землянин, вами будет заниматься ми-

стер Сэндвич, надеюсь ни у кого нет возражений?

Блин, да этот Сэндвич даже во сне мог передвигаться, только летая. Он, вообще, был похож на воздушный пузырь и всё время спал. Так, в перерывах между сном и едой и проходило моё обучение.

– Возьми палку. Почувствуй, почувствуй её энергию. Она полна внутренней энергии, накопленной, когда она была деревом, каждая веточка, каждый листок аккумулировал энергию солнца, энергию ветра, энергию жизненных сил земли в это волшебное изделие. Как ты называешь его землянин? Швабра? И как ты думаешь, для чего она предназначена?

– Для мытья полов.

– Не правда, – Это самое лучшее приспособление для полётов в воздушном пространстве.

Вот смотри. И толстяк оседлал полумойное средство. Он без разбега совершил вертикальный взлёт и вылетел в форточку, вместившись всеми своими габаритами. Сэндвича можно было не ждать назад, он обязательно где-нибудь свалится и заснёт до момента голодания. У него было только два осмысленных состояния, на которые он отзывался с охотой – спать и есть. При мне, группа подростков, вместе с садовой лавочкой полетели в колледж. А я? А я сколько не пытался: доска она и есть доска, никакой энергии я не чувствовал и летать у меня никак не получалось. Появился Челстуг:

– Ну ты тупой! С отличием школу волшебства закончил, а летать не можешь.

– Сам ты тупой.

За меня вступился Волхв.

– Вспомни, как самого по частям собирали в мире горгулий. Тут думать надо. Постой! А с него запрет сняли на воздушные перемещения?

Они с Челстугом вылупились друг на друга с открытыми ртами. Пришлось опять собирать совет посеянных и добиваться разрешения на снятие запрета. Бюрократия проникла даже в эти миры, запрет с меня снимали две недели. Сэндвич, за это время успел улететь подальше от нерадивого ученика. Но он, после снятия запрета, мне уже не нужен был. Я полетел сразу, без всяких швабр и метел, во мне, за время моего вынужденного лежания на Земле, столько внутренней энергии собралось! Волхв позавидовал, такие данные на весь волшебный мир, только две сущности имеют и те не материальные.

– Ты извини, по нашей вине так вышло! Поздравляю тебя с приобретением ещё одного полезного навыка. Потренируйся на мгновенном перемещении, пока Линод занят. Теперь, думаю, у него не будет претензий к защите, прокурор дотошный!

Я понял, нужно представить то место, куда хочешь переместиться и очень сильно захотеть. И я переместился – в чебуречную в Москве. Сам не понял, как так получилось. Пришлось добираться до родного города: где на электричке, зайцем, где в свободном полёте вдоль посадок. Уже было темно,

поэтому я приземлился на балкон пятого этажа своей квартиры, перепугав Озорницу. Как у неё получается через стены проскакивать, не пойму? Наконец разобрались, меня узнали и впустили в комнату. Напоили чаем, и я всё рассказал молодожёнам. Думан смеялся, как же ты так опростоволосился? Ага, сам бы попробовал! Методом втыка, самоучитель в действии. Сюда то я добрался, а назад не знаю, как. Надо будет соседа ждать, Семёна. Я уже и так старался и по-другому, но никак в Московию не могу попасть. Самое главное, что я на Земле не калека. А что, если представить кого-нибудь из Московии: Сапожаку или водяного. Нет, не выходит. И я представил Огневицу. Открыл глаза в бане, и меня девочки лупят шайками и вениками с писком и криком, облили с ног до головы и вытолкали за дверь. Во угораздило! Но я в Московии! Перемещаться мгновенно я побоялся, чтобы ещё куда не угодить. А до шалаша долетел за считанные минуты, обрадовав своим появлением Сапожаку с водяным. Они в шалаше «козла» забивали, кто-то научил их этой азартной игре.

Волхву не нравилось выглядеть смешным в совете, для этого есть подчиненные. Челстуг уже полчаса меня обрабатывал:

– Скажи, Дэн! Как ты смог попасть на Землю, в обход запретов и не имея специального разрешения?

Я ничего не скрывал:

– Тренировался в моментальном перемещении, предста-

вил себе комнату, и вот..., запах чебуреков меня сбил. Очутился в Москве в чебуречной, оттуда домой в пятиэтажку.

– Ты представляешь, что ты натворил, весь совет на уши поставил. Ведь Земля входит в запретные миры, там совет такие барьеры нагородил, вход по специальным разрешениям единицы имеют, а тут является недоучка землянин и проходит в запретный мир, как нож сквозь масло, нарушая все законы перемещений. Ты точно, зонами переходов не пользовался?

– Да нет же, говорю тебе. Я даже не знаю какие они. Линод ничего не успел рассказать.

– Я всю местность вокруг шалаша обыскал, нет там зон перехода, не мог ты из шалаша в Москву попасть.

Челстуг выходил из себя, как будто я его обманывал.

– Не веришь? Давай я опять попробую, на твоих глазах.

И я представил нашу пятиэтажку и голубей, гнездящихся на крыше. Лучше бы, что-нибудь другое представил, а то устроил в голубятне переполох своим появлением. На этот раз я был осторожен, ни каких полётов среди белого дня, спустился по лестнице в подъезде, как дисциплинированный житель, выплёвывая голубиные перья и пух, набившиеся мне в рот и сел во дворе на лавочку, ожидая Семёна. Челстуг появился только через полчаса:

– Ну ты даёшь! Я до самой деревни почти добежал, чтобы тебя догнать. А назад ты тоже так добрался?

– Ну, нет.

И я рассказал соседу про баню и как меня девушки встретили. Семён ржал, как лошадь.

– Нужен ориентир – живой ориентир.

Водяного Челстуг забраковал, очутиться в холодной реке, это хуже, чем в бане. Сапожака – непонятное существо, вроде не живое, но хуже собаки – злое и с характером.

– Он тебе не рассказывал, как пираты с острова колдунов от него убежать пытались?

– Не получилось у меня эту историю дослушать. Вот выберу время, когда закончатся эти учения-перемещения, и мы наговоримся с ним. Я всё хочу узнать откуда он такой взялся и как в Московии очутился?

Больше одушевлённых и живых в шалаше не было. Надо было рисковать, я опять начал думать о Огневице, и очутился на тахте в шалаше, рядом с ней и Сапожакой. Этот раз Челстуг стартовал за мной следом.

– Ну, что? Теперь веришь мне, что я не врал?

– Теперь верю. Неправильно всё это, всё не так, и он скорчил такую мину! Выразив своё несогласие с моими перемещениями.

– Приедет Линод, пусть разбирается. И вообще это не моё дело, некогда мне. У меня совсем другая задача. Вот пусть Линод и объясняет совету, как ты летаешь в запретные миры за чебуреками. А я пошёл, у меня срочные дела.

Челстуг явно выглядел расстроенным, он чувствовал себя ничего не понимающим болваном, на лице всё было напи-

сано без слов. Волхв, через Неясыть, подглядывал за всем, что твориться в Московии, в нетерпении потирая руки. Это он подставил Челстуга, на случай, если возникнут вопросы у совета, только ситуация с посещением Земли посеянным из рода Всевласа, не имела решения. Землянина даже наказать не за что, он ничего не взламывал, ничего не нарушал. Парню захотелось полакомиться чебуреками, а вы голову ломайте. Дождёмся Лиода, а совет, всё равно собирать придётся. Нарушена защита, надо исправлять, но Волхв не знал, что именно и как исправлять. Технологии перемещений устарели, с полётом этого землянина рухнуло всё, система защиты в первую очередь. А если кто-то решиться напасть на наши миры, имея на вооружении новые технологии? А мы абсолютно беззащитны, и все наши запреты, замки, заборы, границы – это блеф, туман, мираж. Между мирами бродят полуголодные орды вакуумщиков, кошмар! Волхв не любил вспоминать о встрече с ними, он был юн, его впервые взяли в отряд, стражи обходили периметр, воины были молоды и полны энергией, соревнуясь друг с другом. Командиры не пресекали их незатейливые игры, ещё недавно сами были такими. Всё случилось, когда вышли на открытый участок за пределы защиты. Врага не было видно, ничто не сигнализировало о нападении, их силы резко стали таять, словно вампиры высасывали энергию из молодых тел. Волхв бежал, он никому не признавался в своей трусости, он успел перенестись в один из своих миров, и рухнул обессиленный

наземь. Это, наверное, его и спасло. Погиб весь отряд, вакуумщики не оставили даже оболочки, выпив всю энергию тел, без остатка. Осталось в живых двое: он и младший Телур. Телура успела накрыть защита. Тогда вакуумщики не смогли проникнуть через защиту, попав во временную петлю с выходом в одну из рождающихся чёрных дыр. А сейчас, кто его знает? Телур ещё успел описать вакуумщиков – это были живые сущности, состоящие из сгустков чёрной энергии, она клокотала внутри этого ужаса, порождения бездны. Ничто, не один из страхов вселенной не мог сравниться с этими пожирателями энергии. Телур умер через два дня, травмы, нанесённые вакуумщиками, были не совместимы с жизнью. Вакуумщики были самой страшной опасностью, соседствующей с нашими мирами. Единственно, что нас спасало от этой напасти, что они по умственному развитию были, как насекомые: абсолютно слепые, без каких-либо отростков и конечностей, по своей форме напоминали кометы, жили колониями, как термиты, и подчинялись коллективному разуму. Мы слишком мало знали о них, контактировать с вакуумщиками было глупостью, мы старались избегать их, скрывая резерв энергии наших миров. Учёные совета подсчитали – эти твари могли сожрать все наши миры за несколько минут, ни оставив ничего: ни песчинки, не камня, ни капельки росы. Пока защита справляется! Волхв решил, не дожидаясь Линода, уведомить совет о происшествии с новичком. Иногда промедление стоит жизни, было опасно, очень опасно. Ог-

невица набросилась на Дениса, за то, что в женскую баню наведывался, без разрешения. Водяной пытался заступиться за друга – досталось обоим, пришлось от разъярённой ведьмы по реке удирать, еле за мостом оторвались, Сапожака, дипломатично, не влезал в драку:

– Любой маленький мир, лучше большой войны, он это понял давно.

Пришлось друзьям сидеть в камышах и ждать, когда Огневица в деревню пойдёт, кормить свою «птицефабрику». Водяной возмутился:

– Не правильная эта Огневица, как её драконы терпят, вдруг что, в драку кидается, не разобравшись в сути вопроса, а может быть Денису другого выхода не было, как вынырнуть среди купающихся ведьм.

Глава 7

Лиода вызвали в совет, он, как предчувствовал, спешил завершить свои дела. Совет последнее время лихорадило, он собирался в полном составе, чуть ли не через день. Мы много не знаем, что творится в мирах, ну и хорошо. Только когда отзывают из заслуженного отпуска, это плохо, потому, что в совет, по пустякам тебя дёргать никто не будет. Лиод не знал, что может случиться, он даже предположить не мог, что это коснётся землянина. Этот ученик был настолько сырой и неумеха, даже летать не мог, кому расскажи – не поверят. Но то что ему пришлось выслушать в совете – этому не мог поверить Лиод. Он получил задание, вышел на воздух

и начал крутить головой, он не знал, смеяться ему или петь?

– Я понимаю, мы живём немного не в обычном мире, но не на столько!

То, о чём ему сообщили в совете, было абсолютно лишено логики.

– Этого не может быть.

Подошёл Челстуг:

– Чего не может быть?

– А, потому что, не может твой подопечный перемещаться в мирах, не используя переходы.

– Может. Я тоже так думал. Может, ещё как может!

Лиод верил Челстугу, он тоже был когда-то, учеником сумасшедшего мастера. Значит, всё сказанное на совете – правда, и пришло время самому мастеру подучиться, освоить новую технологию переходов, и выдать готовое решение о её применении или запрете. Лиод не верил, что землянин, что-то придумал, более прогрессивное, чем существующие переходы. Но, в любом случае надо учиться. Он задержал немного Челстуга, «Коршун» вечно куда-то спешил:

– А правда, что твой подопечный проник, без допуска, в запретный мир?

«Коршун» кивнул и исчез, не стал прерывать начатый ритуал, посчитав этот разговор лишним, не нужным, не стоящим потраченного времени. Лиод расхохотался, он, когда его что-то нервировало, всегда смеялся. Лиод не спешил встречаться с учеником, его бесило то, что по заданию сове-

та они поменялись местами, теперь землянин должен учить мастера новому способу перемещения.

– Чему может научить этот неумеха?

Лиод запел. Но если не везёт, то не везёт во всём – ни одной самки в округе, никто не ответил на призыв самца. В Московию он решил наведаться с утра, а пока время было подумать над тактикой взаимоотношений с землянином.

Нас притащили в какое-то помещение, я не мог видеть, только слушал, так, не развязывая, в мешках и оставили. Сапожака продолжал рассказ про свои приключения в волшебной стране. Мы с Огневицей, прижавшись, друг к другу с замиранием слушали его пугающий рассказ. Вдруг Сапожака прислушался:

– Кого там ещё несёт?

По тропинке к шалашу шёл странный человек: в пиратской тельняшке, заправленной в брюки-клёш, с повязанным на шее красным платком и с бараньей головой. Сапожака, судя по его каблукам, мелькающим в середине моста, сразу узнал этого типа. Огневица, мгновенно превратилась в ракету и на первой космической скорости догоняла ботинок по пути к деревне. Я, наверное, оказался самым заторможенным из обитателей шалаша. Мне бежать уже некуда было, баранья голова перегородила вход и засмеялась. Только тогда я узнал Лиода. Это, наверное, был самый страшным из его безобидных образов. Вскоре ему надоела баранья голо-

ва, он сменил её на свиную, потом на голову инопланетной саранчи, на этом успокоился с выбором образа, и готов был вести диалог. Линод оставался верен своим принципам, всех свидетелей разогнал. Потом пошёл опрос:

– Как, да что?

Я дважды повторяться не привык – отправил к Челстугу, пусть «Коршун» растолковывает этому иномирянину, что такое чебуреки и как это пахнет. Линод абсолютно был лишён осязания, он даже дышал не так, как все и был похож на антирекламу табачных изделий. Линод рассмеялся, ему не понравилось, как критикуют физиологию непревзойденного мастера перемещений, потом он запел на непонятном языке, по-моему, это была ария Фигаро из оперы «Севильский цирюльник». Тут же из реки вынырнула целая капелла русалок и продолжила арию, под руководством дирижировавшего водяного. Это было так красиво и неожиданно! Пришла очередь краснеть Линоду. Он понял, что водяной раскусил его. На этот раз Линод смылся из шалаша, под смех обитателей рыбного царства и аплодисменты Сапожаки с Огневицей. Я понял – это был спланированный, коллективный отпор кривляке. С этих пор, стоило только Линоду появиться в Московии, как его все и везде встречали пением арий: птицы, лягушки, коровы и даже маленькие дракончики. Совет пошёл на уступки маэстро, Линод пожаловался, что не может никак сосредоточиться на перемещениях, и совет дал добро продолжить обучение в другом мире. Линод выбрал мир ис-

порченного времени. В этом мире ничего нельзя предусмотреть, большинство математических задач не решаемы из-за капризов часов: Поезд из пункта «А», не может попасть в пункт «Б», потому, что часы остановились и никто не знает, когда они пойдут. В одном классе уже два часа перемена, а в другом никак не закончатся занятия. В учительской висят три комплекта контрольных часов, и каждый показывает своё время. В этом мире нельзя верить будильнику, он, когда нужно, может не сработать. Проспать опоздать – здесь, это нормальное явление. Хозяйки никогда не пользуются таймерами, а тренеры – секундомерами. Когда я впервые пересёк границы этого безобразия, называемого миром испорченного времени, я удивился, увидев людей, идущих по своим делам, и бегущих на месте, они были похожи на мимов пантомимы, но, когда я увидел, как едут троллейбусы, не двигаясь не на сантиметр, такси – на месте, спешащее в аэропорт. В воздухе, самолёты, подчиняясь законам обратного времени, летят хвостами вперёд, на место своей стоянки. И в этом мире живут люди, они привыкли так жить, их это устраивает, они никуда стараются не торопиться; спешить глупо, об этом даже дети знают. Именно из этого мира, вошла в нашу жизнь поговорка:

– Поспешешь – людей насмешишь.

И в этот мир меня притянул Лиод, он его считал оптимальным для проникновения в любую из проекций вселенной и внутренних миров. Я уже два часа сидел в кафетерии и

наслаждался вкусом и запахом местного кофе, чашечка была стандартной, маленькой, у меня уже был полный живот, а кофе всё не кончался, и не кончался. Линод в двух шагах от столика, два часа не мог добраться до своей кружки. Я видел, как тёк пот по его лицу, как он захлёбывается слюной от жажды, но я ему помочь не мог, по законам испорченного времени. Этот мир больше был похож на ловушку, я не представляю, как и куда Линод планировал перемещаться отсюда, можно было попасть в такое древнее прошлое или в далёкое будущее выбранного мира. Мне бы не хотелось переместиться поближе к истощенному от голода динозавру, в прошлое, или к охотникам на материальных существ, в будущем. А Линод – точно не от мира сего. И я сдался, больше я кофе пить не мог, боялся представить последствия этого чревоугодничества, я представил Честлуга, или Семёна, или как его? И очутился в пятиэтажке, в комнате своего соседа, в кухне за столом с этой вредной, нескончаемой чашкой в руках. Семен только зашёл в квартиру, увешанный пакетами и сумками. Наконец, я допил кофе.

– Арабика?

– Что Арабика?

– Нормальные люди на Земле, здороваются, а не на голову сваливаются!

Я въехал:

– Нет, не Арабика, из мира испорченного времени, но скажу вам, не плохой, довольно-таки, не плохой кофе, я целое

ведро выпил.

Сёма начал располагать покупки на кухне, а я, чтобы ему не мешать, решил посетить соседнее помещение – после кофейный спаситель. Боже мой! Как хорошо на Земле, всё привычно и время правильное, и трамваи не тормозят и сливной бачок работает как нужно, а не когда захочу.

–Нет. И не уговаривай! С этим Линодом, я больше работать не буду, видеть его не могу, с его пародиями и хохотом. Фигаро здесь, Фигаро – там, солист оперный! И в мир испорченного времени возвращаться не собираюсь. Объявляю бойкот. Так совету и передай. Пусть забирают своего маэстро. Нет, я не против сотрудничества, пусть вместо Линода дают кого-нибудь другого, более адекватного, что ли?

Линод был не против замены, сославшись на то, что не может понять, какими каналами землянин пользуется при перемещении, здесь замешана мистика, связанная с какими-то чебуреками, а мастер – сторонник научного обоснования вторжения в чужие миры. Он ушёл из проекта, оставив тайный подарок для «Яичницы». Адекватной оказалась Ула, её прислали на замену Линоду. На этот раз дизайнеры изменили всё в её образе, я Улу узнал по голосу, у неё был неподражаемый тембр и такой скороговоркой, выстреливая 600 слов в минуту, могла общаться только Ула. Ула была довольна, что я её узнал в этом образе. От волчка в Уле не осталось ничего, даже ушей. Внешне, новая Ула была похожа на двенадцатилетнюю земную девочку, с косичками и

чуть заметной задиристой курносинкой, глаза были серого цвета, лицо – овальное, правильной формы, без выпуклых скул. Предыдущий путешественник настолько меня приучил к преобразованиям, что я даже не интересовался тем, как Ула превратилась в человека. Ула тоже была довольна, что этим грозным мастером переселений оказался я. Её в совете так напугали принципиальным землянином. Дэну не терпелось покинуть административный мир, в котором ему официально представили Улу, чтобы показать подруге своих друзей, ожидающих землянина в шалаше, на берегу реки, в которой живёт настоящий водяной. Сегодня в Московии был знаменательный день, Огневица презентовала новый выпуск дракончиков, ясельный выпускной бал. Дэн спросил Улу:

– Ты перемещаться можешь?

– Немного, а что?

– Ну, тогда в Московию, догоняй!

И вместо Яузы, с шалашом и Сапожакой у входа, Дэн снова очутился в мире испорченного времени. Следом приземлилась Ула:

– Ну, и где твои друзья?

Потом посмотрела вокруг: рядом была площадь, за площадью дорога. На площади стояла высокая башня с часами, которые шли задом на перёд, отсчитывая прошедшее время и люди шли также, задом на перёд, спеша в покинутые недавно кровати, никто из них не помнил: откуда они вышли. По дороге ехали автомобили в покинутые ими гаражи со вклю-

ченными габаритами и на задней скорости.

– Куда ты меня притащил?

– Знакомься, это мир испорченного времени, – я представил волшебнице место нашего приземления.

– Слышала о таком?

И Ула засмеялась. Я закрыл глаза – если сейчас запоёт что-нибудь оперное, то это уже эпидемия! Но нет, пронесло.

– Нам в школе волшебников рассказывали о таком, но я не верила, думала небылицы с домыслами. А он, оказывается, существует – этот мир! Интересно, как тут люди живут? И разве можно в этом мире жить?

Я махнул рукой на площадь:

– Смотри! Весь мир, у твоих ног! Можешь даже интервью взять у прохожих.

Ула не клюнула на моё предложение, подседа на лавочку, к школьникам, оставив меня в трёх шагах, шагающим на месте. Волшебница разговорилась с мелкотой, показав им пару незамысловатых фокусов. А я всё топал и не мог остановиться, пока какой-то мальчик не подал мне руку и не помог мне сойти с тротуара, похожего на тренажерную беговую дорожку. Я огляделся, переведя дух: мы находились в парке, вплотную подходящем к центральной площади города. Всё было правильно – и деревья, и аллея, и фонари около лавочек с мусорными урнами, только голуби летали вперёд хвостами, показывая высший пилотаж, и весь парк состоял из двигающихся тротуаров, эскалаторных лестниц и вращающихся

турникетов. Не знаю, кто этим управлял, но всё работало наоборот: по тротуарам, невозможно было идти, они возвращали тебя назад, а по лестницам невозможно было подняться. При этом, если кто-то сверху пытался спуститься до нашего уровня, на эскалаторе мгновенно включался реверс, выбрасывая незадачливого пешехода на площадь, словно груды мусора. Все ждали какой-то «час пик». Сработал бой на башенных часах и город превратился в муравейник: люди уже не двигались по одиночке, всё механическое колдовство остановилось и люди – потоками, разлились по поверхности, передвигаясь, хаотично во все стороны. В этом движении была своя – веками выработанная логика, чтобы переместиться из пункта «А» в пункт «Б» нужно было выбрать свой поток, и тебя толпа сама внесёт туда, куда надо. Нам некуда было спешить, я понял принцип перемещения аборигенов. Они жили не по часам, но зависели от совмещения часовых стрелок; предупреждённые боем часов, они в течении нескольких секунд делали то, что многие не могли сделать за неделю, имея нормальное время и все условия для труда. Ула тоже что-то выпытала у школяров, но обменяться информацией не получилось, стрелки на часах разошлись, «час пик» закончился, тротуары медленно начали двигаться в сторону площади. Ула сказала, что в этом мире, если хочешь куда попасть не в «час пик», то нужно двигаться, не наступая на тротуары, дороги, эскалаторы, ни в коем случае не пользуясь транспортом, даже велосипедом и самокатом. Нужно передвигаться

по обочине, чтобы не заметил полицейский. Он тебя оштрафует в «час пик». В этом мире есть свои законы, которые нужно знать и не стоит нарушать. Поэтому все сознательные граждане ждут «час пик». Я согласился с Улой. Мне не давала покоя мысль: – Как мы очутились в этом мире, ведь я хотел попасть в Московию. Я поделился ею с Улой.

– Не знаю. А давай попробуем в «час пик» телепортироваться из этого мира.

Так я узнал, как по-научному, на языке волшебников называются перемещения в другие миры. Я, как никогда, ждал боя неправильно идущих башенных часов, сигнализирующего о «чаше пик», и с первыми ударами, я оказался в Московии, Ула переместилась со следующим боем часов, по моим следам, ей пришлось нарушить закон мира испорченного времени, и пробежать по обочине, в поисках зоны перемещения, выдержать получасовой диалог с полицейским, пока он не надоел волшебнице, и она его превратила в индюка, на полчаса. Ула признала, что мой способ перемещения является более передовым и безопасным, чем научный классический. Об этом, незамедлительно, было доложено совету. Совет не торопился объявлять о обучении новой форме перемещений, с лёгкой руки Улы, названной телепортацией. Любая мысль должна созреть. Совет не хотел менять своё же решение:

– Посеянный от семени Всеволода нужен был им, как стражник, они и готовили его для стражи.

Поэтому было решено, что Ула должна, во что бы то не стало, овладеть этим новаторским способом перемещения и в дальнейшем быть мастером телепортации, чтобы обучить ему других посеянных. Об этом через Честлуга уведомили и землянина, и Улу. Денис был не против, начались тяжкие дни обучения. Уле тоже нужно было многое объяснять, пока были свободны ясли, землянину помогала Огневица и её сестра Озорница иногда прилетала из Подмосковья. Не знаю, почему эти иномиряне так боялись чебуреков, пельменей и котлет по-киевски? В их представлении, это были такие монстры! Пока Озорница не взяла Улу с собой в Москву, и в первом же кафетерии, не угостила её этими блюдами. Ула, Озорница, и Огневица, знали друг друга по школе волшебников, кроме того, две сестрёнки входили в состав управления малым Шабашем ведьм, и они постоянно сталкивались друг с другом. Правда Денису об этом, совершенно не обязательно было знать. Должны же быть, какие-нибудь, девичьи тайны! Ула успешно овладевала перемещениями по новому методу, ей вообще всё давалось с поразительной лёгкостью, чего не скажешь о Денисе. «Яичница» куда бы только не отправлялся, всегда попадал в миры испорченного времени, в некоторых городах его уже узнавать начали и здороваться. Волхв подсмеивался:

– А может ты там себе невесту заимел?

Ему было смешно, а Денису, хоть плачь! Ему в Московии не давали покоя подруги-волшебницы:

– Посмотри внимательно, может ты что-то выронил, или потерял в тех мирах. Уж больно это на волшебство смахивает. Поделано тебе. Кто-то просто издевается над тобой, закрепив тебя за миром испорченного времени.

– Честное слово! Этот мир мне уже родным стал, я перерыл все карманы, ничего я не терял, не было у меня привычки носить с собой что-то лишнее.

Огневица злиться начала:

– Я тут жду его в шалаше, вместе с Сапожкой и Водяным, а он по чужим мирам прохлаждается.

Денис не оправдывался, сам не понимал, как это происходит. Огневица грозилась бабу-ведунью нанять, чтобы разрешить этот вопрос раз и навсегда. Она, тайком, и сделала это; выбрала время и посетила соседнее село с вотчиной Думана.

– Приворота на этом красавце нет. Денис – ну и имечко! Не могли родители пристойнее назвать? У него выкрали подарок и спрятали его в тайном месте на площади, в стране испорченного времени. На этой вещи наговор, и он потеряет свою силу, когда подарок покинет страну и вернётся назад к дарившему его.

Ведунья выполнила свою часть договора и в награду попросила молодильной росы, собранной с поляны четырёхлистного клевера. Огневица даже не знала, где такая поляна есть, но ей обещала помочь Ула:

– Мы этой бабке такой макияж устроим, что хоть на кон-

курс красоты, если бы она подсказала, где этот подарок искать, площадь – она большая, а там в мире испорченного времени сильно не походишь.

Девчонки, действительно, из бабки-ведуны красавицу, писанную сделали, и тени, и румяна, хоть замуж выдавай! Ведьма и расщедрилась на подсказки:

– Не знаю, но карты говорят, что вещь спрятана в башне, в часах. А что за подарок, кто его знает? Карты говорят – жди, когда рак на горе свистнет. Но, как только подарок найдёте, то сразу его надо будет из этого мира изъять, тогда Денис перестанет подчиняться миру испорченного времени.

– А карты не говорят, кто такую пакость устроил?

Бабка пожалала плечами: сама волшебница, должна знать, что тот, кто поделал, автографа не оставил. Карты молчат, скрывая следы преступника. Только, прошу вас, поспешите найти спрятанную вещь, иначе от мира испорченного времени можно ждать что угодно. Девчонки опять надели Дениса:

– Что тебе подарили такое, что могли украсть и спрятать? Водяного тоже нагрузили:

– В каких мирах водятся свистящие раки, и где находится та гора, на которой они показывают своё искусство?

Волхв, через Неясыть, подглядывал за развитием событий в Московии, ему было интересно, он привлек Аспида, для поиска подарка и уже давно знал, что молодые ведьмы ищут, он попросил змея оставить подарок на месте, ему интерес-

но было, когда его девчонки найдут и как дальше будут развиваться события? Для себя, занёс в конduit, компромат на Линода, оставив маленькую записку о этой неприглядной истории. Думаю, совету не понравится этот казус, когда кто-то палки в колёса вставляет на стадии изучения новых способов перехода.

Глава 8

Сама же Огневица и нашла свой подарок – свисток, при встрече с Дэном весь её запал пропал:

– На, больше не теряй!

Дэну повезло, что этот раз он не сопровождал волшебниц, а то бы ему досталось.

– А зачем он нужен?

Дэн хотел использовать свисток по назначению, но получил по губам от Огневицы.

– Свистеть можно только раз, когда враги взяли в осаду и срочно помощь нужна. Я тебе подарила свисток, как спасение, а не как повод, проведать невест в мире испорченного времени.

– Каких невест? Нет у меня никого.

– Невест нет, а свисток будет, теперь посещай любые миры, жених!

Волхв рассмеялся, ему понравилась развязка.

Ула полностью овладела методикой землянина, совет взял её за основу перемещений в другие миры. Будем считать, что

эта методика открыта случайно, просто когда-то кому-то захотелось чебуреков. Теперь предстояла долгая и кропотливая работа: от классификации миров, до внедрения новых защит и запретов. Землянин выполнил свою функцию, но на этом его обучение не закончилось, хватит ему по мирам, без разрешения шастать, пугать не посеянных, пришло время к тренировкам стражников приступить. Совет думал о защите своих миров, границы растянуты, а стражи не хватает. Дениса изначально готовили для стражи, осталось раскрыть его внутреннюю энергию – в чём выражена его богатырская сила Всеволода. Волхв поручил Челстугу доставить новобранца в лагерь подготовки стражников. Коршун предупредил Дениса:

– Сегодня прощайся с друзьями, а завтра нас ждёт долгая дорога – на границу наших миров.

Водяной не привык расставаться – расплакался, как будто Денис на войну уходит:

– Ты это! Вдруг что, под воду прячься. Вода сильная – она защитит.

Огневица тоже прибежала с красными напухшими глазами, она что-то хотела сказать, но Челстуг дал старт и путешествие началось. Этот раз перемещение было долгим, очутились они перед стеной замка за широким рвом, заполненным водой. Вокруг была степь и ветер. Через ров был брошен подвесной мост, по которому, едва ли могли разойтись две гужевые повозки, необходимо было место друг дру-

гу уступать. На стенах замка и перед мостом дежурила стража, вооружённая копьями и алебардами. По углам ограждения были специальные ниши для лучников с амбразурами. Стража остановила путников:

– Кто такие?

Челстуг передал направление совета. Пока командир стражников разбирался со своим начальником с этими бумагами, мы попытались познакомиться со стражей, тем более, что Коршун здесь успел примелькаться. Стражников было двое: высокий и худой в шлеме с шишаком и алебардой – Клин, и низенький, толстый с надутыми щеками и пухлыми губами – Чекмень. У Чекменя не было ничего, даже копья. Я спросил его, а если кто нападёт, как он обороняться будет? Клин рассмеялся:

– Чекменю оружие не полагается, он у нас духовик.

Челстуг понял, а я ничего...:

– Духовик – это как?

Клин отвлёкся от дороги:

– Вон, видишь в степи валун лежит?

Я присмотрелся, действительно, большой круглый камень, похожий на маленькую скалу, как ориентир, возвышался над степью. За таким валуном, запросто, могло спрятаться три здоровых взрослых мужика. Чекмень ещё больше надул щёки и раздался вой тайфуна, пройдя по всем звуковым частотам и ударив по ушным барабанным перепонкам. Блин, я оглох. Вовремя Клин остановил друга. Трава в степи

вся полегла от ураганного ветра, а камень унесло, как его и не было.

– Теперь понял, кто такой духовик?

Я вопрос Клина прочитал по губам, слух ко мне вернулся через час. Наконец, дело с документами решилось, мы попрощались с Челстугом и меня повели к Воеводе. Воеводу звали Залк – камень, по волшебному. Залк был не высок, но приземист, всем своим видом он представлял силу в этом месте, весь состоял из мускулов и мышц, если бы я не знал, что нахожусь в волшебных мирах, то принял бы воеводу за культуриста, но Залк был не из нашего мира.

– Как тебя зовут новобранец?

– Денис.

Стражники, окружающие Залка рассмеялись, а воевода поморщился:

– Негоже стражу носить такое имя. Мы будем звать тебя Сол – новичок, пока не заслужишь себе имя.

Я просмотрел документы, надеюсь, не опозоришь ты Все-власа. Потом меня отвели в помещение стражи, и моя служба началась. Не знаю, почему здесь никому не нравилось моё земное имя? Одной только Огневице оно нравилось, она всегда так загадочно улыбалась, когда произносила его:

– Дэн, Денис!

Я скучал за друзьями, так и не дослушал историю Сапожаки, не узнал, с какого мира он появился, по Огневице, и по плаксе водяному. Подготовка стражников чем-то напомина-

ла земную армию, только без сон-тренажа, козыряния и маршировки по плацу. Каждое утро, бегом пять километров до ручья, водные процедуры, потом всё остальное – рядом. Основные тренировки происходят в соседних мирах. Сначала маленький перелёт в каменную страну. Вам никогда не приходилось бегать по горам? Правильно, процедура не очень из приятных: задыхаешься от перепадов давления, шатаешься от чрезмерного напряжения мышц и замираешь от страха, оказавшись на границе пропасти. А сзади за тобой гонятся каменные люди, тропинки пересекают сели, сверху атакуют оползни и камнепады. И так каждый день. Контролёров не надо, страна не отпустит тебя, пока не пройдёшь маршрут. Потом небольшой перерыв и система тебя выбрасывает в другой реальности, приготовив новые каверзные испытания. В первый раз, я очутился на высоченной скале, в гнезде дракона, и эта птичка-мама, выбросила меня из гнезда, как не нужный мусор, я едва смог в полёте увернуться от огненного заряда драконнесы. Пришлось вспомнить уроки зелёного мальчика с острова близнецов волшебной страны, и кругами, спланировать вниз, потревожив спокойствие других драконов. Бедная Огневица, как ты находишь общий язык с этими созданиями? Да они – хуже ос, всей стаей кинулись преследовать меня. Я воспользовался советом водяного, добежал до ближайшего озера, и спрятался под водой, наблюдая за недовольными мордами драконов. Они так и не поняли, где я пропал, долго кружили над моими следами. Вечером

система вернула меня в казарму. Никто не спрашивал: голоден я или нет, ты сам должен позаботиться о пропитании, стражникам столовая и челядь не полагается. Правда вечером можно было рассчитывать на котелок каши из местного зерна. Скажу по совести, наша земная перловка кажется деликатесом на фоне этого варева. По началу было тяжело, потом я втянулся, привык, находил время для охоты и приготовления пищи. Стал больше местными перелётами пользоваться, каменных людей доводил до исступления, оторвавшись от них в зоне прямой видимости, и при их очередном приближении включал реактивную тягу, и как ракета, приземлялся за несколько километров от преследователей. Я их загонял. Каменные люди уже не реагировали на моё появление. С драконами было похуже. Сказывался вековой страх, навеянный земными сказками и историями про динозавров, а ещё их способность плевать огнём! Мне надоело бояться, прятаться под водой, и я решился... Прощмыгнул между лап у вожака стаи и используя всю свою ловкость и умение, взобрался к нему на шею и спрятался под оперенье. У драконов, сверх чешуи на спинах, ближе к шее, были обыкновенные птичьи перья, только огромные, как и сами драконы. Вожак чувствовал меня, чувствовал мой запах, мои движения, но никак не мог меня сбросить. Он, как сошёл с ума, два часа я его объезжал, что он вытворял в воздухе, я уже думал, что разобьёмся, и не раз пожалел о своём поступке, но нет..., пронесло, через два часа он плюхнулся на

землю и занял. Дракон плакал не от боли, он плакал от обиды, что проиграл свой бой человеку и он попросил пощады. Мне жалко было дракона, и я погладил его. Дракон ответил на ласку. У меня в этом мире появился друг, он мгновенно поставил всех остальных драконов на место, не давал меня в обиду. А я, тайком от Залка, мотался на Землю, за сахаром. Драконы, как лошади, любят сладкое, только съедал он, сразу мешок, за раз. Прошло три месяца моих тренировок, воевода что-то прочувствовал, либо у него свои информаторы были в этих мирах, только вместо привычного безделья, система начала меня выбрасывать в различные кошмарные миры, в агрессивные среды. Вместо такой милой каменной страны, я очутился в желудке кита, это я потом узнал, когда выполз из его чрева, в период разделки. Местные китобойи разбежались от одного моего появления. Хорошо, хоть так, кто-то из стражников рассказывал, что ему, минут двадцать, плыть до острова, наперегонки с акулой пришлось. Вечером я оказался в казарме, но неприятный осадок, от такого вторжения остался. Я никак не мог сообразить, как эта система подготовки стражников работает? Что она управляема, это я чувствовал, это я знал, и что управляет не Залк, тоже догадывался. Камень, он и есть камень – груда мышц, при минимуме серого вещества в голове. Но больше я никого не видел и приходилось действовать под чужим надзором. С утра до вечера я был занят подготовкой в стражи, а по – простому, выживал, как мог, применяя ранее полученные знания.

Куда меня только не швыряли: и в огонь, и в кислоту. Если честно, я половину этих приключений провёл в самоволке – на планете драконов, там меня никто бы не нашёл. Однажды я почувствовал погоню, наблюдатели следовали за мной по пятам, не давали оторваться. Я их завёл в мир испорченного времени, он для меня стал вторым домом, а кое для кого, тюрьмой на пару недель с кучей полицейских штрафов. Через полгода мои мытарства кончились, курс молодого стражника был пройден, меня прилетел поздравить Волхв.

– Мы, Денис, прогнали тебя по всем пограничным мирам.

– Сол.

– Что Сол?

– Не Денис, а Сол. Так меня здесь называют.

Я уже знал, что означает моё земное имя на местном наречье.

– Ну да, Сол, твоё обучение закончилось, теперь ты полноценный стражник. Воевода выберет тебе напарника, и вы будете нести наряды в пограничных мирах. Если есть вопросы, задавай, я не на долго сюда.

Вопросов собралось уйма, но не всё сразу. Я не стал задерживать начальство. В напарники мне Залк назначил Сулима. Сулим – это «пустота» на волшебном. Парень был мой ровесник, тоже недавно прошёл обучение. Он был старшим в нашем отделении. У Сулима было много способностей, но он отличался от остальных, даром, свойственным ему одному. Сулим был специалистом по заметанию следов, он мог

любого преследователя, вооружённый отряд или армию направить в параллельные миры, из которых выхода обратно нет. Конечно, я не позавидую жителям параллельных миров, но ещё больше не позавидую нарушителям пограничного периметра. Его тактика была особо действенна на вакуумщиков. Они иногда прорывались через кордон небольшими группами, вследствие поломки системы защиты. Сулим умудрялся их поймать в расставленные ловушки и отправить туда, где этим пожирателям энергии не комфортно было. Сулим говорил, что эти «космические термиты» – легко прогнозируемы, у них на первом месте еда, а потом всё остальное. Да, они опасны, но не опаснее любого животного. Сулиму нравилось охотиться на вакуумщиков. Меня интересовала структура нашего подразделения. Воевода был один, он был самым старшим начальником для нас. Залк, вместе с семьёй, жил постоянно в замке. Стражей было два отряда, которые несли службу вахтой, по месяцу. Весь пограничный периметр был поделен между отделениями, каждая двойка отвечала за свой участок. За каждым отделением закреплены свои миры, отдельные страны. Наша задача была не пропустить нарушителей, любыми путями охранять безопасность мирных жителей доверенной нам зоны.

Сулим, как и я, тоже родился в планетном мире. Я был мельком на Игуа, когда овладевал навыками стражника, на Игуа я ступил из желудка кита. Планета Игуа и была роди-

ной Сулима. Его отец был руководителем отдела и занимал должность секретаря в совете, поэтому – Сулим, только родился на Игуа, а воспитывался и прожил большую часть жизни во внутренних мирах. Эта планета сильно отличалась от Земли, она была гораздо крупнее, большую часть планеты занимал океан, суши было мало, но она была. В этом мире совсем другие галактики, не такие яркие звёзды, как на Земле. Она была старше нашей вселенной, там была другая почва и чувствовался недостаток кислорода. Планете приходилось использовать наёмный труд, набирая людей со всех окраин. Там были генераторы для производства воздушной смеси. Атмосфера в местах работ была искусственной. В помещениях стояли кондиционеры и воздушные чиллеры. Здесь всё было не натуральным и воздух, и ветер. На планете не было деревьев, не было своей травы, всё привозное: и газоны, и коровы, и цветы. Парадоксально, но эту планету облюбовали туристы, температура на побережье была постоянной – плюс тридцать градусов, океан тёплый до плюс двадцати, куча пансионатов и санаториев. Их ничего не пугало, не океанские хищники-людоеды, ни ядовитые полипы, ни грабительские цены. Народу всегда было валом. Туристический рай! И эта планета тоже входила в зону наших интересов, так как являлась окраинной. Обслуживало её другое подразделение стражей-пограничников, наши соседи. За последние двадцать лет нарушений границы не было. А тут, защита зафиксировала мощный пробой, именно на этой планете.

Стражи не увидели ничего, оно и не удивительно: столько народу здесь меняется в течении дня, и все из разных миров. Совет не пустил сигнал на самотёк и прищемил хвост бизнесу, закрыв планету для посещений. Совет вовремя среагировал, и направил специалистов, для решения инцидента, мобилизовав их со всех миров. Моего друга Водяного привлекли. К концу недели защита периметра выдала фотосъёмку нарушителей. Нам не повезло, это был довольно крупный отряд разумных существ, использующий технологии более современные, чем наши. Они смогли пройти через вакуумщиков, и воздушным туннелем ушли в океан. При этом, мы абсолютно ничего не знали о диверсантах: кто они, откуда, сколько их и как выглядят. Первые наши подводники не нашли ничего, хотя координаты погружения пришельцев в океан были зафиксированы точно. И только с применением специальной техники, удалось обнаружить след, и направление движения диверсантов. Пришельцы, под дном океана, рыли туннель в сторону материка, и тут же его закапывали за собой, продвинувшись на километр. Учёные подсчитали, что при таком темпе передвижения, пришельцы через две недели будут на поверхности. Совет, пока, решил не привлекать армию, а справиться силой стражников. Не знаю, может это было и правильное решение? Пришельцы пока агрессию не проявили. Совет собрал всех мастеров, по всем направлениям и сконцентрировал все четыре подразделения стражи на этой планете. Я впервые увидел разнообразие существ со

всех миров содружества, охраняющих его границы и обеспечивающих покой его граждан. Кого здесь только не было – глаза разбегались от причудливых созданий. И всё это было силой – наша армия. Мы, под руководством своих воевод, выстроились в плотные каре, ожидая противника. Наземные сверхчувствительные датчики предупреждали о передвижении под землёй. Нас подвела самонадеянность в свои силы, мы так и не осознали, что против нас выступило хорошо подготовленное подразделение разумных существ, привыкшее завоёвывать и повелевать. Всё-таки стражи, были больше гражданскими, чем военными, типа земной полиции, даже в штабе воевод чувствовалось отсутствие военной практики. Штаб, внутри, был больше похож на базар, воеводы не могли поделить власть. Эта командирская нервозность передалась подчинённым, мы не знали, что делать. Никто, не один член из Совета посеянных не появился на предстоящем поле боя. Мы стояли в строю, как на плацу, перебирая ногами. Сейчас уже поздно искать тех, кто следил за показанием датчиков, кто должен был держать на контроле всю ситуацию на планете Игуа внешних миров. Система защиты только отслеживала проникновение и нарушение контура, но совсем не выполняла возложенных на неё функций. Сулиму надоело топтаться в каре, отсюда ничего не видно, тем более, наше подразделение было за скалой. Он предложил мне забраться с ним на скалу, чтобы не пропустить появление противника из-под земли. По времени, уже пора. Чистое юношеское

любопытство и спасло нас от смертельного удара пришельцев. Мы находились на возвышении и всё видели своими глазами. Машина пришельцев была невидимой, словно сделана из воздуха, но видимым оставался след, оставляемый ею. Она, буквально, вылетела из земли, не останавливаясь, ринулась в самую гущу нашего отряда. Это было так неожиданно. Мы сразу, в первые же секунды потеряли половину состава стражников. Потом эта машина превратилась в скоростной миксер и перелопатила почву, вместе с нашими отрядами. Сулим проснулся, он ещё успел отправить машину в другие, чуждые нам миры. Оставались редкие очаги сопротивления, но битва была проиграна, ещё до начала сражения. Машина ещё под землёй успела высадить десант, и везде из ям, рвов и щелей стали вылезать войны. Блин, таких мечами и алебардами, даже луками не возьмёшь. Пришельцы были похожи на огромную земную капустянку, в прочной прозрачной защите, не пробиваемой нашим оружием. Сулим не мог их охватить сразу всех, их было миллион, а может больше. Сулим перехватывал их отрядами и отправлял в преисподнюю, вслед за машиной. Но пришельцы поняли откуда идёт угроза, и атаковали нас. Эти разумные насекомые могли делаться невидимыми, мгновенно уходили под землю, не чувствуя никакого сопротивления, словно ныряли в воду. Они могли ослепить, впрыснув кислоту в глаза, но ещё они могли летать. Они набросились кучей на нас, со всех сторон и зацепили, и утащили Сулима в воздух. Сопротивления на поверх-

ности не было, пленных тоже, нашего отряда не существовало. Вся армия иномирян вылезла на сушу. Вся поверхность заполнилась насекомыми, блестящими под лучами звёзд. Раздался победный крик врага, похожий на удары гонга. В воздухе зажегся свет и раздался взрыв, Сулим активировал самоликвидатор, похоронив себя в куче врагов. Насекомые обступили скалу и начали подбираться ко мне, это был последний бой. Я остался последним защитником Игуа. Мои силы таяли, я радовался каждому насекомому, отправленному к праотцам, но диверсанты смогли выбить меч из моей руки, щит давно валялся расколотым под скалой. Я остался беззащитен перед ордами безжалостных захватчиков. Я понял, что пощады не будет. Эти насекомые пришли в наши миры, чтобы уничтожить нас. Им мы не нужны, даже как рабы. Я был готов к смерти; руки пытались найти хоть какое оружие, и пальцы наткнулись в кармане на что-то несуразное. На свисток, подаренный Огневицей. Я сморщился от боли саднящих ран. – Пришло время свистеть, – подумал я, и поднёс мундштук свистка к, запекшимся от крови, губам. Раздался звук, странный детский звук, так не согласующийся с происходящими событиями, мне стало смешно, я по инерции уклонился от разящей клешни насекомого. И стало темно. Я думал, что умер, но всё вокруг утонуло в звуке – словно мириады бабочек заполнили небо. Я, с трудом, поднял голову, передо мной был мой дракон, всё небо было в драконах. В землю, из насекомых, успели спрятаться единицы, осталь-

ных драконы перещёлкали, как семечки. Дракон помог мне забраться на шею, и мы очутились на планете драконов. Ко мне прилетел Челстуг с Огневицей, чуть позже к нам присоединились Думан с Озорницей. Я спросил за Сапожаку. Сапожака ушёл в свои миры, его невеста разыскала. Жаль, не смогли мы попрощаться, я так и не дослушал его рассказ. Я спросил за Водяного. Повисло неловкое молчание. Огневица не выдержала, заплакала: – Водяной погиб, как воин, как герой! Челстуг рассказал, что Злыдень, Мисл и Горлиц противостоят завоевателям на юге наших миров. Меня они направили на помощь тебе. Есть уже первая информация о этой войне. Враг находился внутри нас. Водяной, видимо, что-то видел, его подло убили свои, ножом в сердце. Ценой предательства была власть. Внутренний враг повредил систему защиты периметра, и при первом сигнале о атаке на Игуа, бросил гранату с отравляющим газом в здание совета. Из прежнего совета остались единицы. Погиб Волхв, Ула, и Горисвет, находящиеся в тот момент в здании. Челстуг снял головной убор. Сейчас всем руководит новый совет. А ты поправляйся. Мы победим! Народ в волшебных мирах тебя назвал – Грестархом драконов. Знаешь, что такое Грестарх? Это не имя – это звание. Грестарх это повелитель. Ты заслужил это имя, Грестарх! И Челстуг улетел на линию фронта.

Глава 9

Меня никто не назначал главнокомандующим западных миров, но вновь прибывшие отряды искали только меня и

подчинялись моим приказам. И если «Коршун» находился на острие событий, то мы были в глубоком тылу. Создавалась резервная армия. Драконы всё же были не людьми, скорее управляемыми животными, они подчинялись только моим приказам и частично, приказам Огневицы. Я их отпустил в родные миры. При необходимости, мог собрать их всех по сигналу волшебного свистка. Совет всё присылал и присылал новые отряды воинов из различных миров. Я расщеплял их вдоль границы, создав подобие укрепрайонов. У меня появился свой штаб, своя разведка и контрразведка. Совет, для усиления работы штаба, направил ко мне Неясыть. Преображённый Неясыть был похож на эталон штабного офицера, он и командовал всей тайной канцелярией нашей армии. Думан создал отряд из подземников. Это не люди, они больше похожи на слепцов, их нанимают во всех мирах, для копания туннелей. Думан сделал из них мобильное подразделение для зачистки от спрятавшихся иномирян. Они отличились на Игуа. Учёные успели обнаружить поломки в защите и восстановить её функции, приготовив для «капустянок» сюрпризы. Контрразведчики нашли вредителей среди учёных. Это была кем-то хитро придуманная секта, вся деятельность которой была направлена против действующей системы управления мирами содружества, против совета посеянных. Контрразведчики ухватились за конец ниточки, а когда начали разматывать клубок, то вскрылись такие факты и выплыли на поверхность такие имена! Неясыть

работал хорошо, мы с ним почти не соприкасались. Но в одну ночь, он влетел в форточку в своём первозданном виде и заставил всех находящихся покинуть дом, по специально подготовленному, подземниками, туннелю. Мы едва успели удалиться за пределы жилья, как раздался взрыв. Я себя в стране драконов считал, что нахожусь в безопасности, а тут такое! Это было покушение. Враг оценил мои победы. Только Неясыти не удалось схватить покушавшихся, их застали всех отравленными в одном из армейских помещений. Смерть очень близко находилась от меня, только враг, что организовывал этот взрыв, опять ускользнул от нашего взора. Но то, как, кем и где была заложена взрывчатка в помещении, говорило о том, что среди моего близкого окружения был предатель. Неясыть предупредил меня, что подбросил в мой дом жучка. Он вызвал и показал его.

– Жучок не спасёт твою жизнь, но даст информацию к размышлению. А, вообще – то, как знать, как знать? Но, поверь Грестарх, мне будет спокойнее, если эта малозаметная букашка будет рядом с тобой. Жучок вёл скрытую съемку всех, появляющихся в моём окружении. И он спас мою жизнь.

Озорница выбила стакан воды из моих рук. Рядом упал Думан. Неясыть прокрутил кино, как Думан подсыпал отраву в емкость с водой.

– Эта история началась давно: когда ещё ты был ребёнком Грестарх. Секта вычислила тебя, они не знали к какому ты роду принадлежишь, но что ты посеянный знали точно.

У них возник план: это секта, с помощью специально заражённого клеща, сделала тебя калекой. Потом они нашли тебе двойника и воспользовавшись психотропными средствами и специально подготовленными гипнотическими программами, сделали из него адепта. Они знали, что посеянных будут искать в запретных мирах. Вся эта игра была поставлена для того, чтобы внедрить своего человека в окружение власть имущих. Пришло время сработать мне. Впервые подозрение возникло у Волхва, когда пыталась секта переложить ответственность за уродование посеянных на ведьм.

Злыдень поддержал Волхва, тогда и было принято решение о внедрении Озорницы в секту. Всё получилось не так, как хотелось: и Волхв погиб от руки предателя, но благодаря его стараниям, ты жив сейчас Грестарх. Прилетел дракон, и не церемонясь, зубами подхватил меня и усадил к себе на шею. Расправил крылья и поднялся в небо, он приволок меня в своё гнездо, всем своим видом говоря, что теперь он будет охранять мою жизнь. Три дня я успокаивал друга, три дня я его уговаривал, наконец он согласился. Я, обрадованно, переступил со скалы и по методу зелёного малыша, спланировал к подножью гор, в самый последний момент включив форсаж и, воспользовавшись внутренней реактивной тягой, полетел в свой дом, где меня ждали друзья. Дракон только успевал наблюдать, за моими фортелями, и откровенно, смотрел на меня, как на самоубийцу. Челстуг посоветовал сменить место моего обитания и пожелал скорейшего вос-

становления. Я знал такое место, и вскоре, скрылся от всех, никто из друзей не захотел составить мне компанию, как – то не любили волшебники этот мир, одному Линоду он нравился. Линод был стар, так и не нашёл он самку. Голос охрип, не добавив желаний и здоровья. Линод купил себе участок земли в мире испорченного времени, здесь его никто не досаждал расспросами: что, где, зачем, почему и для чего, но, когда доходило до куда и откуда – Линод начинал нервно смеяться, не любил он любопытных. Линода не интересовали новости внешнего мира, он даже не знал, что была война, что почти полностью сменился совет, что нет в живых многих его друзей и оппонентов. Я нанёс визит вежливости старику и не стал досаждать ему своим присутствием, поселился рядом в академической деревне. Мне нравилось наблюдать за выжившими из ума маразматиками, которые строили замки из песка, с лестницами из костяшек домино, рисовали пальцами по мокрому песку гениальные формулы, и тут же, стирали их ладонями, найдя другое, не менее сумасшедшее и грандиозное решение. Но надо отдать должное – этот мир придумали и создали они, считая его самым совершенным и гениальным изобретением разума. Спорить с академиками было бесполезно, они не приспособлены были к нашим «ненормальным» мирам. Здесь никто, ни к кому не навязывался, не лез в глаза и не давал советы. Любителей учить жить здесь просто сплавляли в прошлое, из сочувствия, а особо назойливых, посылали в будущее, это уже хуже, из бу-

дущего возврата нет. В академической деревне разрешалось вести диалог, только с самим собой – молча, но можно и вслух. А тех, кто поёт и хохочет, принудительно отправляли к соседу. От Лиода они летели вверх тормашками, но вполне нормальными людьми – с синяками, шишками и оригинальным не академическим лексиконом. Лиод терпеть не мог тех, у которых не важно было со слухом, и кто фальшивил по жизни, но старался выкарабкаться на сцену, показывая свою важность и значимость. Такие в этом мире не задерживались, их даже не принимала история, они терялись между секунд, под ногами прохожих, в час пик. Мне нравился этот мир! Плохо только раны заживали после клешней пришельцев. Я отдыхал, было время подумать, выяснить – что я хочу в этой жизни? До этого, я плыл по жизни, как щепка по реке, подгоняемый и управляемый чужими желаниями. Война подходила к концу. Иномиряне проиграли бой, но это была всего лишь разведка, битва ещё впереди. Я немного даже благодарен этой стычке, она вскрыла все слабости наших позиций, и внутреннюю гниль наших миров. Содружество требовало реформации и очищения. Необходимо было пересмотреть договора. Я вспоминал последние разговоры с Сулимом:

– А что, только внешние миры считаются закрытыми?

– Нет. Есть и внутренние, отданные в аренду, по решению совета, цивилизациям, вынужденным покинуть свои миры по различным причинам, в обмен на вассальное подчинение.

Я там не был, ничего о них не знаю, даже не знаю, где эти миры находятся. О тёмных мирах четырёх баронов он тоже не знал ничего, знал только то, что знали все. Чем больше я пытался разобраться во внутренней политике содружества, тем сильнее запутывался в сети непонятных законов. Миров было так много, не все они были заселены разумными существами, и казались совершенно неуправляемы. Просто, я очень мало знал о содружестве, к которому относилась и планета, на которой я родился и вырос. Меня вызвали в совет, наверное, моё лечение закончилось. Это были триумфальные сборы, на которых было объявлено о окончании войны. Враг был уничтожен, несколько трупов поверженных «Капустянок», залитые специальной быстротвердеющей прозрачной смолой, заняли своё место в музее истории содружества, как напоминание о этом печальном событии. Имена погибших занесены в книгу памяти. Там есть и мои друзья. Мои раны ещё откликались болью на нагрузки, мы уже несколько часов стояли в строю. Первым вызвали для получения награды Челстуга, он был удостоен золотого оперенья, вторым вызвали Грестарха. Рядом стоящие, увидев мою растерянность стали подталкивать меня к трибуне совета. Я ещё не привык к своему новому имени, и не ожидал попасть в число награждённых. Меня отметили серебряным крылом и статуем «повелителя стихий». Победители приветствовали меня ударами мечей по щитам. Это был триумф. Член совета пристегнул серебряную награду к моей тунике, на то место,

где у воина земли находится погон. В Московии меня встречали, как героя. Огневица повисла на моих плечах, дополнением к серебряной награде. Её сестра получила высшую награду разведчиков – золотую летучую мышь, только она её не афишировала и после небольшого банкета в мою честь, она покинула Московию, сославшись на приказ. Челстуг тоже улетел, он так и остался в армии, Злыдень вернулся в свой мир, он не был тщеславен, его обошли наградой, он грустно улыбнулся:

– Меня вспоминают, когда я нужен, и тут же забывают, когда меня нет.

У него накопилось много дел в потустороннем мире, без Волхва, на его плечах повисли проблемы: и видимых, и невидимых. Про Неясыть лучше забыть и не задавать лишних вопросов, с некто пор, появление этой птички, даже во внутренних мирах, ни к чему хорошему привести не могло. С контрразведкой не шутят! Челстуг смеялся:

– Как получишь ещё одно крыло, тогда можешь спокойно себя к птицам относить, хотя и Грестарх неплохо!

Моё положение осталось не определённым: пограничную стражу упразднили, нет уже никаких замков и воевод. Стражники, большей частью, погибли во время войны. Их заменили мобильные пограничные войска, которые вместе с укрепрайонами, должны встать заслоном на пути врага. Меня никто не увольнял, про меня, как забыли, может просто дали подлечиться, не знаю. Я так и остался здесь, живу в

Москве – в деревне Москва, в родовом имении Коршунов. Через месяц, совет узаконил наши отношения с Огневицей, мы, не дожидаясь благословения Всеволода, взяли девочку на воспитание. Никто не знал, что у Улы была дочь. Мы не ведали, был ли у неё отец; а девочка теперь наша, и совсем не сирота. Если бы вы видели, как она играет с новорожденными дракончиками, она их строит, как оловянных солдатиков. Я отчасти жалел, что ясельный период для драконов, так быстро заканчивается. Но начало дружбы между человеком и драконами было заложено здесь – на землях Московии. Придёт время, когда я передам свисток, подаренный когда-то моей будущей женой, этой маленькой девочке. Её мама боялась высоты, Лиана была её противоположность. Лианой её называли за те трюки, что она вытворяла, когда попечительный совет забирал её из пустого дома, где она раньше жила с мамой. Лиана была маленькая, и до последнего верила в то, что мама вернётся и заберёт её. Она поначалу и нас приняла в штыки, но дракончики примирили. Мне кажется, что они начали летать одновременно: и девочка, и эти бегемотики с крыльями. Огневица не успевала йодом ссадины прижигать и холодные камни к синякам прилаживать. Девочка росла бедовой, но непривередливой к питанию, ела то же самое, чем Огневица кормила бегемотиков. Иногда Челстуг прилетал на драконе, на моём драконе. Он постарел, скучал. Дракон тоже любил играть с мелкотой, они атаквали его из засады и старались повалить на землю. Потом про-

сили покатать. Дракон осторожно их садил на плечи, по одному, и подымался невысоко в небо. Вы бы видели, сколько счастья было в глазах малышей. Лиана тоже принимала участие в этих играх, как без неё? Она себя считала маленьким драконом, и плакала, когда друзей забирали из яслей в другие миры. Прошло полгода, я уже привык к вынужденному безделью, никуда даже не вылетал из Московии, иногда ходил на Язу, там русалки водяному памятник поставили из коряги, время от времени поправлял шалаш, меняя подгнившие ветки и перекрывая камышом крышу, вспоминал первый день, когда меня ведьмак принёс в этот мир. Этот раз, я застал жену плачущей, маленькая Лиана гладила маму и не знала, как её успокоить.

– Тебя вызывают в совет.

Огневица не любила эти вызовы, они только добавляли тревоги и вносили некую неопределённость в жизнь семьи. Ей было лучше, когда я не работал, не служил – был просто рядом. Она по ночам гладила мои шрамы, полученные в войне, и ей казалось, что совет специально вызывает меня, чтобы помешать её женскому счастью.

Она знала, сражаться против совета бессмысленно, если бы она утаила информацию о вызове, меня бы просто выдернули бы из мира, а для ведьмы последовало бы наказание, вплоть до понижения статуса. Это был бы удар: ей бы могли запретить воспитание дракончиков и лишиться руководства в малом Шабаше ведьм. В их клане всё так сложно, такая за-

путанная иерархия, каждая ступенька вверх, даётся трудом и потом. Нет, Огневица даже ради любви ко мне, не пошла бы на это.

– Тебя вызывают в совет!

Я поцеловал, успокоил жену, и рано утром, ещё до её пробуждения, покинул дом. В совете меня направили в кабинет распорядителя, это не официальная должность, распорядителем мог быть любой, попавшийся под горячую руку председателю. Председателем был Нелюдь, я его никогда не видел, это была выборная должность, председателя выбирали члены совета, раз в сто лет. Перед кабинетом распорядителя была толпа, собрались граждане всех миров. Я думал несколько суток мне придётся ждать аудиенции, но запускать стали группами, вызывая по списку. Никого не было знакомых, но вскоре я услышал имя Лиода, следующим по списку назвали меня. Старику покоя нет, и в мирах испорченного времени его нашли, он начал смеяться ещё там, кивнул мне, как старому знакомому, мы вместе с мастером вошли в кабинет. В кабинете было ещё несколько дверей. Лиода вызвали в левую дверь, а меня в правую. За столом сидел Аспид, натурализованный для руководящей должности. Урод подмигнул мне и дал направление в академию. Все нюансы: обучения, проживания, питания, семьи – решаются на месте, а я мало того, что не могу предупредить Огневицу, куда меня направил совет, но, абсолютно не знаю, где находится эта академия. Лиод стоял на ступеньках здания сове-

та, и в хвост, и в гриву, костил тех, кто это придумал, а в душе радовался, что стал нужен обществу. Он устал отдыхать. В его руках было такое же направление, и тоже в академию, только я шёл туда абитуриентом, а Линод преподавателем. Пока мы с Линодом обсуждали направления, мимо нас чуть не прошмыгнули Озорница с Неясытью, я едва успел их перехватить. На Неясыти был парадный мундир, с таким же серебряным погоном, как у меня. Он поздоровался со мной, как со случайным прохожим, они быстрым шагом удалялись от здания совета. Я увязался за ними, стараясь не привлекать внимания, и на ходу, вкратце рассказал подруге, в какую историю вляпался и попросил её предупредить сестру:

– Только ты там осторожней, без фантазий, а то у нас скоро ещё один дракончик появится.

Озорница всплеснула руками:

– Меня тоже направили, на место Челстуга – по закрытым мирам, это почти по пути, обязательно в Московию заскочу, сестру поздравить.

Неясыть подхватил Озорницу под руку, и они растаяли в толпе. Вот так и встречаешься с родственниками – между мирами, мимоходом, во временных интервалах. В спешке, я чуть не потерял Линода.

– Это кто?

Линод спросил за моих друзей, я вовремя вспомнил к какому ведомству они принадлежат:

– Да, так – знакомые.

Линод уже выяснил в совете, где находится эта академия, это был особо охраняемый мир, пропуском в который были наши направления. Учиться мне предстояло долго: от пяти, до десяти лет, в группе помощников членов совета – это, типа академии международных отношений, а Линод приготовился к пожизненному сроку. Старик светился от счастья, он мечтал о том, чтобы передавать свой опыт молодому поколению. Я вспоминал, что я знал о академии и об учёных. Этот мир был центром всех научных учреждений сообщества, девяносто процентов всех открытий совершалось здесь, за стенами многочисленных лабораторий, здесь же находились и закрытые военные научные учреждения. Вся информация с периметра содружества приходила сюда и обрабатывалась здесь. Здесь была центральная библиотека, книги – не читают, их записывают и внедряют в мозг, в любой момент их можно стереть, сбросить, а потом восстановить, при необходимости. Не знаю, как у других существ, но у людей мозг, напоминает компьютерную корзину, ещё не успел получить информацию, а уже забыл! Мы приземлились на площади, рядом с центральным архивом. Внешне, архитектура города выглядела компактно (Я не знал, что основной объём информации спрятан под поверхностью). Я многого ещё не знал: – в этом городе училась элита наций, сам мир был под усиленной охраной, город, и к каждому обитателю учебного центра была прикреплена персональная охрана. Но никого не было видно, город, как вымер, редкие прохожие перемещались по

улице, и пропадали в многочисленных зданиях.

– Как здесь, вообще, ориентироваться, где эта академия находится, и спросить не у кого?

Не выдержал Линод. На противоположном здании загорелась стрелка-указатель – академия! И мы пошли от здания к зданию, следуя по указателям. Блин, или город был настолько большой, или мы ходили по кругу, но к концу дня, с высунутыми языками, мы были перед дверьми академии. Нас встречали.

– А мы вас ждём и ждём, датчики давно предупредили о вашем проникновении в периметр. Спросили у зрителей, они говорят, что вы на экскурсию пошли, пожелали осмотреть город. Блин, я бы этих зрителей... тут ноги от усталости отваливаются, и, вообще, рядом никого не было – ни зрителей, не говорителей, не подсказателей. Бедный Линод, нервно хихикал в стороне, пока я разговаривал со встречающимися.

– Нет, мы выбрали именно такой путь в академию.

Я выдохнул первую фразу, что пришла в мою голову. Женщина, в мужской тунике, прикрывающей колени её ног, наверное, была старшей, среди встречающих, посмотрела с сочувствием на вновь прибывших:

– Извините, у нас ремонт входного портала, и гостей разбрасывает по периметру. Вы, наверное, впервые на Рузе?

(Наконец, я услышал, как называется этот академический мир).

– А почему вы не воспользовались подземным транспортом, или ускорителями? Ах, да, я забыла, вы же ещё не местные. Меня зовут Гетус, я старший смотритель, по всем возникающим вопросам обращайтесь ко мне, достаточно назвать моё имя и можете задавать вопрос, я уже занесла вас в реестр академии и произвела вашу идентификацию. Запомните – Гетус.

Женщина передала нас на попечение младших смотрителей и растаяла в воздухе, вместе с одеждой, не оставив даже следа.

– Демон! – Вздогнул Линод.

Да, смотрителями в этот мир были наняты демоны, они жили на границе с тёмными мирами четырёх драконов и сдерживали своим присутствием агрессивных соседей. Демоны подчинялись только председателю совета, и вот, уже несколько столетий охраняли самый закрытый мир содружества. Я только ступил на землю Рузы, мне ещё предстояло столько узнать.

Глава 10

Демон порешала все мои проблемы, завтра вся семья будет в сборе: Я смогу увидеть жену и Лианку. Гетус всё решила оперативно: и замену для жены, и жильё в специальном районе вне города с вмонтированными стационарными ускорителями; жильё было, даже со стандартным набором слуг-землян, они жили семьями в специально выделенных для них помещениях. У слуг были дети, различных возрастов,

они сразу взяли в оборот Лианку. (какое же было моё разочарование, когда я узнал, через двенадцать лет, в конце моего обучения в академии, что все живые существа, окружающие меня, за исключением жены и моих детей, были биороботами, основная задача которых, состояла в нашей защите. И если младенец лежал и сопел в коляске, пытаясь дотянуться до выпавшей соски, то при малейшей опасности, он превращался в орудие самообороны, и вместе с коляской становился непреодолимым барьером на пути нападающих. Всё было тщательно продумано. Каждый день, эти искусственно выращенные создания, проводили анализы еды, воды, почвы, воздуха, визуально отслеживали весь периметр жилья, выполняли кучу указаний из центра смотрителей, подчиняясь оперативному дежурному из демонов. И это всё без электроники и научно обоснованного колдовства, а я не знал. Никто из нас не замечал ничего странного. У меня самого, среди прислуги, было много друзей). Обучение началось через неделю, я впервые воспользовался ускорителем. Ускоритель был настроен индивидуально на меня и членов моей семьи. Прислуга использовала общие каналы перемещения, они не в многом уступали ускорителю, просто, чтобы попасть в город, нужно было собрать группу, не менее четырёх человек. Ускоритель представлял собой кабину, двери открывались автоматически при приближении. Кнопок не было, ничего нажимать не нужно было, ускоритель – это не лифт, хотя принцип действия, приблизительно, один и тот же, только

для перемещения, надо было подумать, куда ты хочешь попасть. Кто-то из слуг мне помог освоиться с ускорителем, и я в первый раз попал в синий сектор академии, в аудиторию, предназначенную для нашего обучения. Без преувеличения, она напоминала мне римский амфитеатр, абитуриенты собрались в центре – на арене, и были похожи на гладиаторов; а вокруг были какие-то сооружения, похожие на трибуны, только на них не было: ни зрителей, не элиты, не игроков, заключающих ставки. Аудитория казалась непропорционально огромной и психологически давила на абитуриентов, я чувствовал себя, как мышь в мышеловке. Я огляделся, вокруг меня были существа, совсем не похожие на людей, это был цвет нации различных народов, заселяющих содружество миров. На войне мне приходилось видеть разные типы существ, но не в таком количестве, и не в таком разнообразии. На войне, особо рассматривать было некогда, а здесь рядом – на расстоянии вытянутой руки. Эти волосатые монстры, висающие в воздухе и оставляющие за собой дурно пахнущий влажный след, похожий на жёлтую пену, с брезгливостью осматривали меня, боясь даже близко приближаться к этой мерзости, которой я казался для них. Нас впервые собрали всех вместе, это была наша группа будущих помощников руководителей. Осваивайтесь, знакомьтесь, привыкайте друг к другу, вам предстоит работать вместе ещё не один год. Потом на арене выросли кабины, и мы разбрелись по своим номерам, не знаю, как мы определили, что это именно ва-

ша кабина, а не соседа? За мной была закреплена кабина, под номером семь. Я чуть позже, пытался спутать руководителей, вроде ошибочно, попадал в чужую кабину, но цифра семь перемещалась вслед за мной. Обучение здесь тоже было индивидуальным, на первом общеобразовательном курсе. В этом мире не было учебников, карт, шпаргалок. Экзаменом была сама жизнь, и не сдавший экзамен..., будем считать, ему не повезло, его не оставляли на следующий год, при единоголосном решении педсовета, он отчислялся из академии. Естественный отбор в этом мире шёл с первых дней. Преподавателей мы тоже никогда не видели, но это не значит, что их нет! С Линодом мы встретились, по окончанию академии, на распределении должностей и получению направлений по месту нашей дальнейшей службы. Старик признался: – Я все двенадцать лет переживал за тебя, и хотел, чтобы ты выдержал эти испытания и утёр нос кое-кому из демонов и слизняков. Линод не был человеком, но всегда, всей душой был с людьми. Он постарел, но выглядел ещё крепким. Свой первый урок я запомнил на всю свою жизнь: кабина начала заполняться сиреневым газом. Из всех цветов я больше всех не любил сиреневый. Может это был туман, он начал клубиться под ногами и когда заполнил всё пространство, всё тело, мои лёгкие, этот дым вытеснил меня за пределы этой кабины, этого мира, вселенной... Я оказался в непонятной стране, каким-то воздушным аморфным невидимым существом. Я мог видеть и слышать всех, но от них я был скрыт. Здесь

всё было не так, как на тех планетах и в тех мирах, в которых я был раньше: всё было перевёрнуто, как в теодолите, там, где должна быть земля, было небо, и наоборот, вместо неба – земля. Да и земли не было – сплошные соты: круглые, квадратные, треугольные. Я сообразил, попробовал перевернуться, до этого, я висел вниз головой, если у облака есть голова. – Ура! Получилось!

Значит я мог управлять этим аморфным телом, осталось только научиться перемещаться и перемещать предметы. А то я чувствовал себя привидением, таким, как в мультфильмах показывают. Не вовремя я про телевизор вспомнил, передо мной показался пульт, и шкала регулировки звука. Над головой раздался такой грохот, что я вмиг, чуть из облака не превратился в тучу и не разродился огненной молнией. Звук стал меньше, я мысленно подрегулировал тембр, и приятный мужской тенор, поздравил меня с началом учебной программы. Вначале мы ознакомим вас со всеми мирами, входящими в границы нашего содружества, и с обитателями этих миров. На первом курсе вы защищены, а на остальных курсах, прошу не забывать того, чему мы вас обучим, поэтому внимательно следите за нашими комментариями. Этот голос меня сопровождал все двенадцать лет обучения. Время обучения было не нормированным, урок мог продолжаться несколько суток, и ты не обязательно должен быть в образе пассивного наблюдателя, голос над головой мог подсказать, кто и что в этом мире является съедобным, а добыть про-

питание и приготовить его, ты должен сам. Но бывает и такое, что пищей являешься ты, и сезон охоты открывается на абитуриентов. Демоны не допустят, чтобы тебя съели, но это минус для твоего дальнейшего обучения. Три минуса в месяц, и твоя успеваемость выносятся на педагогический совет, а что последует далее, мы уже знаем. Вот так проходили перемены в академии. Толстые и ленивые отсеивались первыми. За первые три месяца обучения, у нас осталось половина первоначального состава группы. Бедная Огневица, ей оставалось ожидать меня, и каждый раз с занятий я приходил злой, голодный и уставший. Я засыпал прямо за столом, слуги, каждый раз, раздевали меня и переносили в постель. Я жене говорил, что учёба в академии, разительно отличается от обучения в школе волшебников, у нас даже вместо формы – спецодежда, а вместо преподавателей и парт, племя людоедов за твоими плечами, от которых ты обязательно должен оторваться, если даже находишься в теле черепахи на данный момент. Огневица всё понимала. Она даже рожала в моё отсутствие. Я не знал, а академия не считала нужным прекращать учебный процесс из – за рождения моего сына. Мы договорились, если Огневица подарит мне наследника, то имя выберет она. Огневица назвала сына – Сармат, у землян тоже есть такое название, но Огневица осталась верна традициям кланов волшебников, Сармат – это кобчик, тоже из хищных степных птиц. Так что мой сын тоже, автоматически был причислен к птичьей стае, под опеку потусторон-

него мира, в клан птиц. Злыдень первым прислал поздравления моей семье. Прилетел Неясыть, и нам дали возможность переговорить в академии. Разговор был недолгим, он касался моего сына. Сармат был дважды посеянным, это открывало перед ним необычные перспективы, никто не знал, какие способности в нём спрятаны. У председателя совета на моего сына были свои планы, Нелюдь просил усилить охрану ребёнка, рождение которого, вряд ли осталось не замеченным в недружественным нам мирах. Неясыть собрал демонов, и целый час инструктировал их, и передал личную просьбу правителя. Меня он только предупредил, что если каждого из нас охраняло по два демона, то Сармат был под опекой пяти невидимых существ, и у сына было три лабораторных близнеца, это на всякий случай, для подстраховки. Неясыть меня предупредил, что в случае необходимости замены ребёнка, родителей никто уведомлять не будет. С Огневицей Неясыть успел уже переговорить. Под удар могли поставить проект содружества, Нелюдь не мог этого допустить. Я никогда не думал, что вокруг моей семьи будет такой ажиотаж, и она окажется в центре внимания спецслужб содружества миров и планет. Но это было ещё не всё, о многом мы не знали и даже не догадывались, а кое-что до нас дошло, только после обучения, как информация к сведению. Я подозреваю, что без совета тут не обошлось, они, как специально спланировали эту учёбу, чтобы скрыть меня и всю мою семью от посторонних глаз, в надёжно защищённом месте. За весь пе-

риод обучения, нам запрещено было покидать земли Рузы, даже месячные каникулы, между курсами, мы должны проводить здесь, этого требовали неписанные законы безопасности. Я не знал, что даже у главнокомандующего армии и у некоторых политических лидеров были свои демоны. Не верилось, Челстуг не любил, когда за ним кто-то наблюдает. Озорница на Земле вышла замуж, об этом тоже мы не знали. Огневица страдала от такой разобщённости, но через это необходимо было пройти. Раньше семья клана «Коршуна» собиралась не менее трёх раз в году, за исключением меньшего брата – Корчег, он был изгоем в семье, его старались не вспоминать, он давно покинул Московию и с тех пор, не разу не посетил родной дом. Никто не ведал, где он, предположения были разные; особо зол на него был Челстуг, но никто не знал причины раздора между братьями. Огневица рассказывала, что младший брат был копией старшего, только моложе и ниже ростом. Корчег был умнее и хитрее Челстуга, а поссорились они из-за девушки, говорят, что Корчег, у старшего, невесту отбил. Кто эта девушка, Огневица не знала, знала, что из клана колдуний. Произошла ссора, ещё мать была жива, пыталась примирить братьев, но Корчег ушел, ведьмы наказали девушку, придав ей неподобающий образ, на длительный период, до тех пор, пока она не вернёт уважение к себе. Челстуга совет отправил инспектором в закрытые миры. А дальше, ты знаешь всё сам. Как много прошло времени, и как всё поменялось, жизнь закрутилась в

бешенном темпе, кажется вчера, я лежал без движения, смирившись со своей инвалидностью, и никогда не думал, что судьба меня сведёт с ведьмаком Сёмой, который окажется Челстугом, приписанным за кланом птиц, который позовёт меня на рыбалку, на чистую реку Язузу, в волшебной стране Московии, где я встречу свою любовь и будущую жену – Огневицу. Тайком, находясь в академии, я скучал по Москве, по деревне Москве, по родовому имению Коршунов и по яслям для маленьких дракончиков. Для меня – это было самое счастливое время, которое мы провели с Огневицей вместе, после войны, и нас никто не тревожил, никому до нас не было дела. Эти полгода спокойствия, они навсегда останутся в моей памяти, мне не верилось, что судьба расщедрится ещё на такой шанс. Огневица часто вспоминала этот период нашей жизни. Лиана пошла в учебный центр, при нашем поселении. Это была первая её школа, в которой были и гувернантки, и воспитатели, и преподаватели. Девочке нравилось учиться, в отличии от взрослых, все иномиряне в школе перезнакомились и передружились. На переменках устраивали такие игры, что даже выдавшие виды преподаватели не скрывали улыбок от фантазий малышей. Иногда я забирал Лиану из школы, снимая её с гусеницы. – А, что? Она мне проспорила. За ней ещё два круга, по площади. У детей преподавание, больше на игру похоже, а уроки – на волшебную сказку. У преподавательского состава было столько фантазии, тем более при таком разнообразии учеников. Этому

способствовал фольклор тех стран, откуда эти дети прибыли в мир Рузы. Там были свои герои, и все они добрые, умные и находчивые. Про их волшебные путешествия Лиана пересказывала маме, а я засыпал, и мне снился Сапожака, и пираты в порванных тельняшках, с татуировками на голых участках тела. Я видел сон про остров близнецов, а просыпался в академии, вывалившись из ускорителя на арену аудитории, и глаз, по привычке, высматривал кабину семь. Говорят, первый мир, как первая любовь! Мой первый мир, был родиной полудиких ос, хорошо, хоть система меня представила в виде облака. Я не могу поверить, что сюда туристы записываются за год, и мир ос очень популярен в содружестве. Попасть на него очень сложно. Яд ос являлся ключом к бессмертию, в этом весь секрет популярности этого мира. Голос над головой бегло ознакомил меня с флорой и фауной, а также, провёл экскурсию по географии. На этой территории, кроме ос, жили ящерицы, питающиеся личинками насекомых, в реках было много рыбы, некоторые виды пресмыкающихся, черепахи, раки и у всех была защита от грозного оружия доминирующих насекомых. Флора тоже была разнообразна, но ближе к горам, где климат не позволял хозяйствовать осам и строить свои гнёзда. Осы постоянно мигрировали в поисках пищи, практически были всеядны, пролетая над землями этого мира, я видел даже человеческие скелеты, отбеленные временем. Голос над головой говорил, что осы в этом мире похожи на ваших земных пираний, они роем, в считан-

ные секунды могут расправиться с любым животным, не зависимо от его объёма. Осы не брезговали и растительной пищей, она им просто была необходима, для образования ценного яда. Этот мир охранялся государством и давал ощутимый доход в казну содружества. Первый курс заканчивался без экзаменов, был общий опрос по пройденным темам, где мы коллективно, всей группой пытались ответить на заданные вопросы. Голос над головой был доволен. У меня голова шумела от количества миров, которые предстояло запомнить, мне не верилось, что я успел побывать на всех. Это были дикие не управляемые миры, меня учили выживать в них и быть господином своей судьбы, не поддаваться панике и выходить с честью из различных ситуаций. По результатам года, если перейти на земные оценки полученных знаний, я едва вытягивал на «троечку» и находился на грани вылета из академии. Я путался в этих мирах, два раза меня извлекали из тюрьмы хищных растений, где я висел на растяжках из застывшего сока, запутанный в кокон растительной паутины. Меня растение отбраковывало из-за пониженной волосатости, ему казалась подозрительной лысая гусеница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.